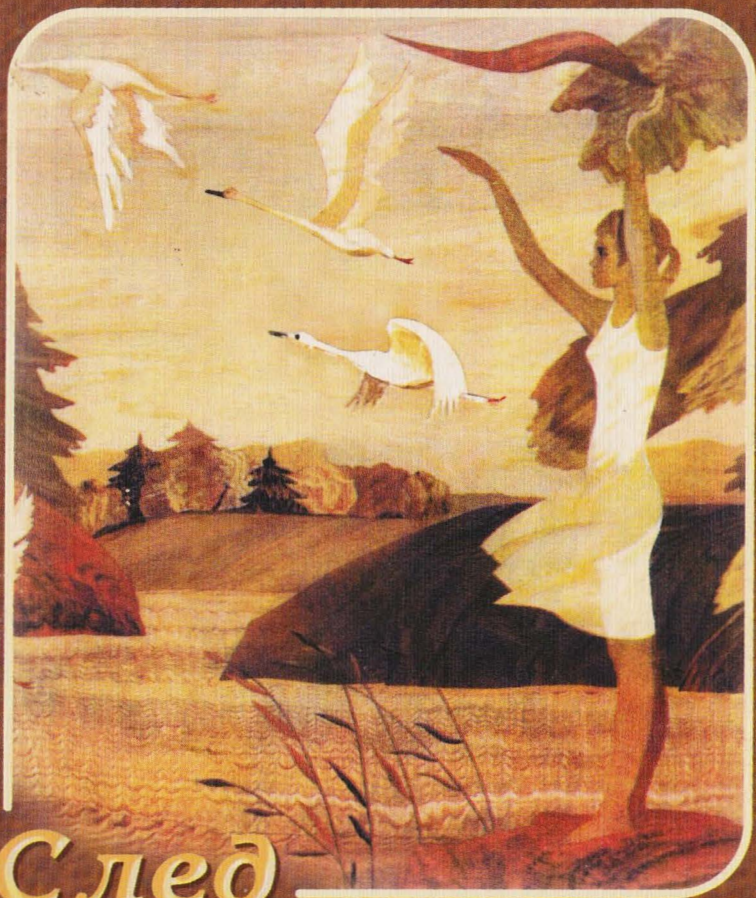

Александр Богатов

След журавлиной стаи

Александр Богатов

1-1-1

Посвящается
Хмельницкой области
дослідників

СЛЕД ЖУРАВЛИНОЙ СТАИ

Ульяновск
2005

ББК 63.3-2

Б 73

Александр Богатов

Б 73 След журавлиной стаи - Ульяновск: ОГУП «Областная типография «Печатный двор», 2005 – 104 с.

© Александр Богатов, 2005

*Педагогам и воспитанникам
Яковлевской школы –
посвящаю*

Хмурой осенью 1954 года, когда по небу нескончаемо плыли облака, я снова посетил училище, с которым прощались в один из июньских дней. Прошло три месяца - срок небольшой, но необъяснимое чувство одиночества охватило меня. Ощущение было таким, будто от сердца откалываются живые кусочки. Завтра я должен явиться на призывной пункт, а там - солдатская жизнь. В эту минуту я остро понял необратимость нашего движения. Оценить меру ответственности наших поступков не мог, но знал, что долг для каждого воспитанника превышает любой ценности. Долг перед родителями, учителями, детьми, друзьями, отечеством... Какой емкий смысл вобрало в себя это слово! Но в тот момент я еще не мог понять, какое содержание должно быть вложено в него и как долго нужно жить и бороться, чтобы оправдать это священное слово.

Вышел за ворота училища. Свияга встретила меня тихим всплеском прибрежных волн. Заалел закат. Подошел к берегу и печально смотрю вдаль. Вдруг тишину нарушили отрывистые звуки в небесной вышине. Скоро они приняли стройный тон, превращаясь в сплошной гул. Поднял голову – на фоне свинцового свода увидел журавлиный караван. "Улетают, как и мы, – подумалось мне, и в душе стало мучительно больно. – Они возвращаются, в каждую весну, а нас судьба разбросала по всему свету. И никому неведомо, когда училище нас соберет под свое крылышко".

...Прошло полвека с того слегка подзабытого дня, когда тень разлуки прошла по моей душе. Мы тоже стали собираться в стенах училища, хотя многих уже нет среди

нас. Собираемся не только для того, чтобы вспомнить нашу юность, но и для того, чтобы понять - чего мы стоили. И тут у меня возникла мысль, которой бесконечно обрадовался - написать коллективный очерк о тех, с кем делили хлеб и соль в годы нашей молодости. Как сложилась судьба каждого выпускника; какой путь они прошли, какие трудности пришлось преодолеть, чтобы осуществить свою мечту; как пришла первая любовь и что делали, чтобы сохранить ее; как изменились наши взгляды на жизнь, на нравственные ценности. Вопросов много, и ответы на них создадут коллективный портрет нашего класса.

Буду писать не для истории, а для души. Жизнь – мимолетная пора цветения тюльпанов, короткий дар природы. Дряхлеет тело, и только чувство умудряется оставаться свежим и неизменным. Воспоминания омолаживают душу. Помнится, в актовом зале училища всегда звучала музыка Йоганна Штрауса. Под вальсы «Голубой Дунай», «Сказки Венского леса» парни подходили к девочкам и, чуть наклонив голову, приглашали кружиться в вихре танцев.

26 апреля 2004 года. Берег реки Свяги

НОВОГОДНИЙ БАЛ

Серпантин плавно опустился на ее русые волосы. Ваня Данилин взял его за конец и долго держал в руке, – пусть разноцветная лента станет символом, соединяющим их сердца. Рая не питала к нему трепетных чувств, порою, как ей казалось, даже ненавидит его за грубые выходки и чрезмерное усердие, но нынче проявляла солидное терпение. Новогодний бал в разгаре, и она решила использовать последний шанс для серьезных объяснений с совсем другим парнем, который, в этом она была уверена, отвечает всем ее требованиям. Она не заглядывала в его глаза, никогда, хотя

бы случайно, не дотронулась до его руки, но думы о нем не покидали ее даже на уроках математики, когда голова забита сложными формулами.

Студенты и студентки скользят парами, едва касаясь паркетного пола, держась за руки и сжимая их то крепко, то расслабляя, словно вожжи. «Сегодня или никогда», – сказала Рая, поправляя пышные локоны, упавшие на розовые щеки, и попросила подругу узнать его нагрудный номер. Почтальонкам нагрузки хватало. От их аккуратности и добросовестности зависела судьба не одного студента или студентки. Им и в голову не приходило, что в суматошном вихре, ныряя меж танцующих пар, они своей службой создают на балу любовные романы, в которых не последнее место занимали интриги и коллизии.

«Номер сорок шесть», – таинственно шепнула подруга на ухо и посмотрела в сторону, где Аркадий Воеводин беспечно беседовал с Васей Емендеевым. Рая встала на цыпочки и тут же опустилась, – ей показалось, что Аркадий тоже смотрит в ее сторону. Она дотронулась рукой талии подруги и потянула ее за платье:

– Пойдем к окну. Тут что-то душно.

– Куда вы, девочки? – успел крикнуть Ваня Данилин и устремился за ними.

– Мы на минутку, – остановила его Рита Кузнецова и добавила: – Жди нас здесь и никуда не уходи.

Ваня покорно подчинился и перевел взгляд на выход. Аркадий и Василий стояли, сложив руки на груди, и время от времени перекидывались словами. Данилин рванулся к ним. Не сделал и двух шагов, как наткнулся на Раю Леонтьеву.

– Хочу с тобой потанцевать, – чуть слышно выдавила она из себя.

– Не могу! Занят! – крикнул Ваня на ходу и пролез в среду танцующих пар. Подошел поближе к выходу, промедлил шаги, сунул руки в карманы и под мурлыканье какой-то мелодии выщедил:

– Какие медали? Какие цифры? – не скрывал иронии Ваня. – Номер сорок шесть и номер сорок семь... Думаете, кто-нибудь вам напишет? Только я могу вам помочь. Если хотите – могу организовать.

– Какая забота! Будет лучше, если ты позаботишься о своей репутации.

Вася не скрывал неприязни к нему и считал, что в студенческую среду Ваня попал случайно. «Из него выйдет толковый торговец, но педагог не получится, – думал Емендеев, но открыто никому не высказывал назойливую мысль. – Не дано Богом. Груб. А в работе с детьми...»

– Моя репутация на высоте, – ответил Ваня высокомерно, – а вот ваша может пострадать.

– Ну, ну! Валяй скорей к своей. Не то она заждалась, небось.

– Иду, но не к той, о ком вы думаете, – серьезно процедил кавалер и скрылся в среде танцующих. Встретив почтальонку, остановил ее и демонстративно вытянул грудь.

– Номер сорок шесть, – протяжно взвывала белокурая первокурсница, не сводя глаз с номера Вани Данилина, поправила ремешок и стала рыться в сумочке. – Помнится, имеется. Сейчас, сейчас... Ага! Вот оно – треугольником, как солдатское.

– Спасибо, блондинка! Ты очень мила!

Данилин кинулся к выходу. В коридоре холодный воздух ударил в лицо, и Ваня чуть съезжился. Отошел к окну, выходящему во двор училища, оглянулся, вынул из кармана записку. Развернул, погладил как пушистую кошку и жадно стал проглатывать каждую букву. «Аркадий! Я больше не могу скрывать своих чувств. Я люблю тебя! Рая. №30». Ваня втиснул записку в кулак и зажал его так, что захрустели кости. Лицо побледнело, глаза сузились. «Не бывать этому!» – процедил сквозь зубы и стал швыряться в карманах. Вынул лоскуток бумаги, положил его на подоконник – свет от

уличного фонаря легла на него узкой полоской. Ваня еще раз оглянулся по сторонам и вывел жирным шрифтом: «Я тебя не...». Карандаш с треском сломался, и Ваню охватило негодование. Стал ковырять ногтями, грызнул зубами, но ничего не получилось - карандаш вышел из строя. В истерике швырнул его в угол – удар об стенку издал глухой звук.

* * *

Зимние каникулы кончились, и студенты стали возвращаться в училище. Аркадий вошел в класс и в нерешительности остановился – за второй партой, понуриив голову, сидела Рая Артемкина, а рядом с ней безмолвно стояла Рита Кузнецова. Как только увидела Воеводина, она резко изменилась в лице.

– Здравствуйте, – осторожно поздоровался Аркадий и почувствовал в их поведении что-то неладное.

–Здравствуй!

Рита сердито посмотрела на Аркадия, который не мог понять, что происходит с одноклассницами, но интуиция подсказывала ему, что до его прихода в классе разыгралась какая-то сцена. Не стоило труда, чтобы догадаться, что к сцене этой он имеет непосредственное отношение. Он сделал усилие, чтобы подойти к парте. Положил сумку и, вынув оттуда книгу, приблизился к Рае Артемкиной. Он не забыл слово, данное ей еще в начале учебного года, и, приехав домой на каникулы, в первую очередь вынул из шкафа сборник произведений великого поэта и положил на открытое место. Время от времени читал из него стихи и мысленно представлял, какое впечатление окажут они на Раю.

– Ты просила стихи Сергея Есенина. Вот они.

Рая медленно, осторожно, но красиво подняла голову, и их глаза встретились словно сабли в бою. Аркадий стоял в оцепенении. Ему показалось, что он потерял дар речи. В ее томительном взгляде соединились грусть и ярость, мольба и потаенное чувство обиды, и внутреннее состояние ее

вылилось в одну слезинку, которая упала на муслиновое платье и...растворилась. Аркадий в одно мгновение понял ее душевный излом. Но не мог понять, в чем его вина.

– Что стоишь, как истукан?

Голос Риты суров и неумолим. Она имеет право на выражения, ибо родились и росли в одной с ним деревне, учились в одной школе с первого класса и знали друг о друге если не все, то достаточно, чтобы предъявлять особый счет.

– Не понимаю, о чем идет речь.

– Он еще не понимает! Нет у тебя ни такта, ни культуры поведения!..

– Объясните толком, что случилось.

– Это ты должен объяснить, как мог докатиться до такого уровня. Не ожидала от тебя, Аркадий, не ожидала!

– Эй Богу, нет у меня объяснения. Быть может, через лет...

И тут же опомнился, что шутки в данной ситуации не уместны. Он еще раз посмотрел на Раю, и в его сердце будто воткнули иголкой.

В класс ворвался Ваня Данилин.

– Что здесь творится? Кто тебя обидел, Раечка? Этот?

Ваня двинулся на Аркадия, как танк на врага. Правая рука сжата в кулак, а левая готова схватить соперника за грудь и свалить на пол.

– Нельзя ли, братцы, для драки выбрать другое место? – твердо и решительно звучит голос Леонида Иванова. – Ваня, где твое место? Прошу занять, пока оно свободно. Заодно сообщаю, что первого урока не будет, все учителя ушли на какое-то совещание. Приехало, говорят, высшее начальство. Мое предложение – провести классный час под девизом: «Наши мечты» или «Что нас ожидает впереди».

Не успел Леонид предоставить слово старосте класса, как скрипнула дверь и на пороге выросла изящная фигура Маши Ягафовой. Она была частой гостьей, хотя симпатии ни к одному из парней нашего курса не имела. Это известно

доподлинно и в доказательствах не нуждалось.

– Можно присутствовать на вашем собрании?– обратилась она громким голосом и, не ожидая приглашения, прошла по крайнему проходу и села к Лилии Афанасьевой.

Приход Марии не поколебал атмосферу класса, и Леонид с присущим ему пафосом объявил:

– Слово имеет староста класса Ищерякова Света.

Света была лидером по призванию. Отличница учебы. Серьезный тон в разговоре, твердый характер и чуточку черты аристократки придавали ее поведению ореол независимости. Она никогда не нарушала традиционных канонов. Основополагающий ее принцип – никогда не позволяй себя целовать без любви, за что получила прозвище «Неприступная крепость». Миниатюрное личико, большие, как спелая черешня, глаза, стройная фигура, слегка смахивающая на персиянку. Чуть погладила каштановые волосы и мягкой походкой подошла к учительскому столу.

– На новогоднем балу мы как-то по-особому почувствовали тревогу, – начала она взволнованным голосом, что никогда не было характерно ее поведению. – Тревогу скорого расставания что ли...

– Еще целых полгода, – не выдержал Володя Тухтаманов. – а мы уже заговорили о разлуке. Не рановато ли?

Володя считался практичным парнем, прекрасно знал физику, был любимым учеником Ивана Андреевича Андреева. Юркий, небольшого роста, он успевал везде. Может, не совсем удачный довод в пользу только что сказанного, но в училище не найдете ни одной фотографии тех лет, где бы отсутствовало улыбающееся лицо Володи. Все знали о неравнодушии Володи к старосте класса, но к чести или не к чести его, Володя никогда не делал открытого признания.

– Полгода пролетит как полминуты, – продолжала Света тоном, присущим девушкам лишь серьезного поведения. – Тревогу расставания почуяли, как мне кажется, в первую очередь, ребята. Они стали относиться к нам, девчонкам, с

вниманием и почтением, чего раньше не наблюдали. Думаю, нам не грех немного помечтать. Скажем, какими мы станем через лет двадцать, тридцать или даже пятьдесят.

– Ого, куда махнула! – воскликнул Вася Емендеев, стройный и симпатичный парень, который всегда держался в тени, но в последнее время все больше проявлял активности и смелости.

– Миша Орлов несомненно станет поэтом, а Володя Тухтаманов известным физиком, – вклинился в разговор Лев Медяков. – А вот Люся Виноградова выйдет замуж непременно за генерала.

Лев скосил глаза на Людмилу, лицо которой засияло застенчивой улыбкой. Она очень чувствительна и вещи воспринимает всегда близко к сердцу. Будь то шутка или трогательный рассказ о любви, душа ее распахнута настежь для того, чтобы тут же ответить сильным ощущением. Как-то Маргарита Александровна Троицкая рассказывала о дуэли Пушкина с Дантесом и так затронула души студентов, что в классе будто все замерло. И вдруг с задних рядов послышался всхлип. Сначала никто не обратил внимания на неожиданное нарушение тишины, но всхлип повторился и превратился в сплошной аккорд, похожий на детский плач. Маргарита Александровна застыла в оцепенении. Все повернули головы туда – Люся сидит и вытирает глаза кончиком платка.

Взгляд Володи был в этот миг обращен на Свету. Нет, он влюблен в нее по уши и тайно восхищается ее умением держаться перед аудиторией, твердостью ее духа и принципами, которые она стала вырабатывать уже в студенческие годы. Внимание его сильно приковано ныне к ней еще и потому, что он никогда не мог подумать, что такая принципиальная и серьезная девушка вдруг позволяет себе говорить о каких-то чувствах. Тогда к Тухтаманову впервые вкралась мысль, что студентам свойственно быстрое взросление и возмужание. «Значит, Света не такая уж

неприступная крепость, как нам кажется»,— думал он, не сводя с нее глаз. И тут же выпалил:

— У всех девочек к тому времени будет по пять внуков и ни на одного не меньше!

— Нельзя ли к нашему разговору относиться посерьезней? — звучит голос Светы твердо и просительно.— Володя, ты уже не маленький, чтобы выбрасывать неуместные шутки.

И тут же румянец охватил ее лицо — слова, обращенные к Володе, прозвучали как ирония, но Володя не обратил на них внимания.

— Мы собрались мечтать, а мечтать серьезно могут только дилетанты, — привстал Володя во весь рост, и все увидели, что ростом он не такой уж мал.— Я уверен, что через тридцать лет у всех ребят будут седые волосы.

Ваня Чухаев скосил на него глаза — Володя стоял на цыпочках и слегка качался.

— О, нет! У меня к тому времени волос совсем не будет.

— Можно мне сказать слово?

— Конечно, можно.

Коля Штурмин шумно открыл крышку парты, лениво встал и сел на заднюю перекладину. Из всех парней он слыл самым рассудительным и серьезным. Правильные черты лица, прямой нос, большие умные глаза с густыми бровями делали его похожим на древнегреческого философа.

— Так вот,— начал он тихо,— Света, Рита, Миша, Ваня, конечно, поступят в институт и станут впоследствии заслуженными учителями, директорами школ, а может быть, даже профессорами. Я тоже собираюсь поступать в институт. Займусь, наверняка, наукой. Но руководителем никогда не стану — душа не лежит.

Наступила тишина, которую нарушила Рая Мельникова.

— Как вы хорошо выступаете, мальчики, но почему молчит Ваня Чухаев?

— Он расстроен.

— Что с ним случилось? Может, влюбился?

– Нет. Он слишком серьезен для этого дела.

Тут подошла к нему Рита Кузнецова и в упор стрельнула ему в сердце:

– Ваня, неужели из-за меня? Я же пошутила. Никакой ты не слон, а настоящий лев.

– О, нет, Лев – это я, – поправил ее Лев Медяков.

– Хорошо, хорошо, не лев так тигр. Ну, скажи, что на меня не в обиде.

Ваня вышел из-за парты, доверчиво посмотрел на Риту и, повернувшись к классу, промолвил:

– Я действительно напуган. Вчера мой голос слушал весь город. Я изобрел устройство, которое подключил к городской радиотрансляции. «Внимание, внимание! Говорит радиозел Яковлевской школы. Перед вами выступает профессор...».

Все в общезнании подумали, что Ваня готовится к какому-то мероприятию и поэтому никто не обращал на него внимания. Сценарий длился больше пяти минут. Прошло около часа, и в общезнание нагрянули два молодых человека: один в гражданской, другой – в милицейской форме.

– Мы установили, что отсюда велась трансляция на город, – произнес мужчина с орлиным носом и без приглашения сел за стол. – Признайтесь, кто из вас будет профессор Иван Павлович Чухаев.

Все повернули головы в глубину комнаты. Ваня встал с кровати и двинулся к столу. В вельветовой куртке и широких шароварах на выпуск. Вылитый Гаврош. Идет, головы не поднимая, а руки держит за спиной, словно его уже арестовали.

– Где прибор?

Ваня не глядя протягивает правую руку. Мужчина с орлиным носом долго изучает устройство.

– Чистая работа, – произносит он наконец и передает прибор милиционеру. – Сам смастерил?

Ваня утвердительно качает головой, а милиционер крутит и вертит прибор, словно в нем знает толк.

– Ну, что, товарищ лейтенант, – обращается мужчина с

орлиным носом к милиционеру, – протокол, видимо, мы не будем составлять. Как-никак, профессор все же. А прибор придется конфисковать.

Ваня закончил рассказ, и зал взорвался аплодисментами.

– Вот это да!

– Ну и голова!

– Теперь Ваню Чухаева знает весь город!

– Да здравствует Ваня Чухаев! Ура!

Ваня перевел дыхание, размышляя над тем, как перейти к другой теме, и в привычном ему тоне продолжил:

– Как приятно, что мы заговорили про любовь. А ведь недалеко время, когда придется нам делать выбор. Природа не терпит пустоты. Я верю, что самыми примерными семьянинами непременно станут Лева Медяков и Миша Орлов.

– А кто станет самой примерной супругой?

– Филицита Никитина!

– Люся Виноградова!

– Маша Суркова!

– Лида Лашманова!

– Рая Мельникова!

– Лилия Афанасьева!

– Липа Михеева!

– Ну, вот – снова не туда пошли.

– А может быть, туда пошли, – не выдержала Маша Игунина, сидевшая за последней партой с раскрытой книгой. – Придет время, когда мы с особым чувством будем вспоминать время, проведенное в стенах училища. Вы бы послушали, с каким благоговением вспоминают студенческие годы те, кто окончил его много лет назад. Вам, наверное, не приходилось слушать их рассказы, а мне пришлось однажды участвовать в их встрече.

И она рассказала, как прошлым летом выпускники довоенной поры, в среде которых была и ее мать, собрались на двадцатилетний юбилей. Ее никто не перебивал, но каждый, видимо, задумался, что и на его долю когда-нибудь

выпадет счастье быть среди тех, кто будет вспоминать ушедшие в историю года. Аудиторию охватила тишина и, казалось, что она будет длиться вечно, если ее не нарушит кто-то из класса.

– Почему вы обходите мое имя?– раздался звонкий голос с задней парты.

Все повернули головы в ту сторону и были удивлены, что незаметно сидевшая Маша Ягафова вдруг заговорила с тоном, в котором чувствовалась и обида, и желание высказаться.

– Имеется вопрос!– крикнул во весь голос Миша Орлов.– С какой стати она стала часто навещать наш класс? Тут что-то не чисто.

Девушку из соседнего класса не смутило столь недостойное заявление, и она спокойно ответила:

– Мне нравится ваш коллектив. Ваши споры, ваша дружба и..., – она сделала паузу, поправила свои каштановые волосы, и ее веснушчатое лицо покрылось мягким румянцем. – И когда Миша Орлов будет писать книгу, пусть не забудет включать и меня.

– За какие заслуги?– вскочил Ваня Данилин, сильно хлопнув крышкой парты.– В книге и для своих не хватит места. Только для моей персоны нужно страниц сто.

– Ого?– не выдержал Ваня Чухаев и покачал головой.– Для тебя хватит и двух листов. И то...

Он хотел сказать, что и того будет многовато, но подумав, замолчал. Не корректно, обидится.

И тут все заметили, как встала Рая Артемкина, перекинула длинную косу через левое плечо и бросила взгляд на Аркадия Воеводина. Света поняла, что слово предоставлять в данном случае не имеет смысла, ибо сценарий развивается не по плану, а стихийно, как бы по велению души.

– Я уверена, что жизнь я проживу достойно, как и все вы, мои подружки и друзья,– произнесла она с чуть заметным волнением в голосе.– Мы многому научились в стенах

родного нам училища. Получили знания, стали взрослее, поумнели что ли...Здесь родилась первая любовь...

Последние слова сказала с таким чувством, словно вложила в них самое сокровенное, возвышенное, вечное.

ЭХ, ЛЁНЯ, ЛЕОНИД!

С перрона он вышел на привокзальную площадь и направился к трамвайной остановке. Дул теплый весенний ветер. На флагштоках еще развевались красные знамена – следы Первомайских праздников. Леонид подошел к скамейке, снял рюкзак и положил его на край. Расстегнув верхнюю пуговицу бушлата, поправил бескозырку и глубоко вздохнул. Отсюда начинается небольшая аллея. Молодые деревца тихо шелестят зеленой листвой, лучи утреннего солнца пробиваются сквозь ветви и играют на лице матроса.

На остановке – народ. Сошли с поезда, спешат на работу. Подошел трамвай, и толпа хлынула в салон. Леонид пристроился к окну. Молодая девушка предложила ему место, но молодой моряк вежливо отказался. Им овладело чувство приподнятого настроения. Ему чудилось, что прошла целая вечность с того памятного дня, когда они прощались на перроне вокзала. Дипломы в кармане – до свидания, училище! До начала учебного года еще два месяца, и они уезжают в родные края. Миша Орлов, Ваня Чухаев, Света Ищерякова, Володя Тухтаманов, Рая Мельникова, Вася Емендеев, Филицита Никитина уже заняли места в общем вагоне и сгрудились у окна. Вместе с ними – Леонид Иванов. Поезд тронулся и медленно набирает скорость. Провожающие толпятся на перроне и усиленно машут руками. Лида Лашманова что-то кричит, Рита Кузнецова прикладывает пальцы к губам, а потом высоко поднимает обе руки. Маша Суркова, Рая Артемкина и Ольга Павлова суетятся около Маркела Яморжина и о чем-то спорят. Заметив, что поезд тронулся с места, бегут рядом с вагоном и тоже машут руками. Тут же Коля Штурмин со своей неизменной Галей – молодая пара,

поженились еще в прошлом году. Смотри, как она прижалась.

В памяти всплывают лица. "Кто же еще провожал нас в то летнее утро?" – старается вспомнить Леонид, но в голову ничего не лезет. Стук трамвайных колес отвлекает его от приятных ощущений. Мысли его обращены к предстоящей встрече. "Интересно, какими они стали? Обидно – они уже студенты, а я вот только определяю свою судьбу». Но почему медленно ползет трамвай? Другое дело в Подмосковье – электрички летят со скоростью света.

* * *

– Воеводин? – повторяет вахтерша вопрос моряка. – Он проживает в пятой комнате. Только его сейчас нет. На зарядке.

– Кто меня спрашивает? – раздается сзади голос, и Аркадий оказывается в объятьях друга. – Леонид! Ну, хватит меня трясти! Дай я на тебя погляжу.

– Каким был, таким и остался, – смеется Леонид и разводит руками.

– О, нет – возмужал. Что ни говори, матрос. А туда хилых не берут.

Глядят друг на друга. Любуются.

– А ты все зарядкой занимаешься.

– Привычка. Что ж мы тут стоим? Пошли!

– А разрешение?

– Ах, да. Анна Васильевна, это наш друг, – обращается Аркадий к вахтерше. – Вместе учились в техникуме. Приехал вот на побывку.

– Уволен в запас, – поправляет моряк.

– Ах, да, дембель! – наклоняется Аркадий к вахтерше и шепчет ей на ухо. – Он будет у нас ночевать. Разрешаете?

– Конечно, улыбается Анна Васильевна и провожает друзей добрым взглядом.

В комнате душно. Аркадий открывает форточку и кричит:

"Подъем!" Володя ворчит себе под нос, Миша медленно переворачивается на другой бок, а Коля внимательно смотрит из-под одеяла на матроса.

– Постой-ка, да ведь это Леонид, – произносит он чуть лениво и тут же вскакивает с постели. – Леонид!

Поднимается шум и гам. Обнимаются. Целуются. Хлопают по плечу.

– Товарищи! Друзья! – успокаивает их Воеводин. – На сборы всего полчаса. Умываться, надеть штаны и садимся за программу сегодняшнего дня.

– А лекции?

– Какие лекции? Нынче праздник – встречаем друга!

– Правильно. Я все равно не готов к занятиям. Вчера целый день ломал голову, но так и не понял, в чем значение короля Лира для нового времени.

– Володя, сходи к Свете и Рите. Мол, так и сяк... Друг приехал...

– Я же в трусах.

– Так натяни штаны. Да. Не забудь сказать, что с утра идем в училище, а потом... Одним словом, училище, а там посмотрим.

* * *

Они ходили по территории и вспоминали.

– Как жаль, что закрыли училище, – вздохнул Леонид. – Интернат для сирот – это, конечно, хорошо. Но все же...

Он сам рос сиротой и знал, что значит расти без материнской ласки. Воспитывался у дяди. Да не он один. Валерий Григорьевич поставил на ноги и младшую сестру Леонида. Вера тоже окончила училище и работает не то в Узбекистане, не то в Таджикистане.

– Но все же решение властей трудно оправдать. Училище – святыня чувашской нации. Здесь родился наш алфавит.

– А какие кадры выпускали?

– А какие педагоги трудились?

– Петр Тимофеевич Тимофеев!

– Петр Иванович Павлов!

– Анастасия Максимовна Кузнецова!

– Маргарита Александровна Троицкая!

Рита и Света шли немного впереди, но слышали, о чем ведут разговор парни.

– Мне нравился Илья Николаевич Николаев, – останавливается Рита и оборачивается к мальчикам. Солнечные лучи ударяют ей в лицо, и она прикрывает глаза правой рукой. – Еще забыли нашего классного руководителя Василия Александровича Корсунского.

Наступает пауза. Каждый старался вспомнить своего любимца, а может быть, какой-нибудь сюжет из жизни училища. Тишину снова нарушил Леонид.

– Неужели никто не протестовал?

– Ну как же... Протестовали.

– Кто проявил такое мужество?

– Петр Тимофеевич.

– Молодец, Петр Тимофеевич! Непроста он был нашим любимцем.

– Конечно, молодец. Написал такое гневное письмо, что пришлось отсидеть в заключении целый год.

Глаза у Леонида расширились, лицо стало серьезным и хмурым. Пальцы сжал в кулак:

– Как же так. За что?

Ему никто не ответил.

– Жаль. Наверно, переживает.

– Очень. Стыдно, говорит, встречаться с воспитанниками.

– Любовь наша к нему никогда не угаснет. Мое уважение к нему с сегодняшнего дня еще больше возросло. Говорю об этом от чистого сердца. Надо с ним встретиться и передать ему наши чувства.

Незаметно оказались на горе, ведущей на улицу Воробьева, а оттуда – справа, спуском тянется улица Кривая Конная.

- Вот и дом, где жили наши девушки.
- Остановились, постояли молча и двинулись вниз.
- Почему назвали Кривая – понятно, а вот - Конная... Никто не знает?
- Снова остановились.
- А где же Аркадий?
- Аркадий!
- А вон он сидит на крыльце!
- Что с ним? Может, не здоровится?
- Здоров! Наверно, вспоминает.
- Что ему вспоминать? Он, как помнится, ни с кем не дружил.
- Как вам сказать...Одним словом, любовь у него была.
- Да?
- Интересно. Почему мы ничего не знали?
- Я тоже не знал. Но однажды,– многозначительно произнес Миша Орлов. – Оркестр сыграл на выпускном вечере прощальный танец, и все мы пошли гулять на Свягу. Встречать, так сказать, утренний рассвет. Аркадия там не было.
- Точно!
- А кого же не было из наших девушек?
- Леонид внимательно посмотрел в глаза Свете, что ввело ее в краску.
- Я была.
- А ты, Рита?
- Я не была, но у меня был совсем другой кавалер.
- Так вот,– продолжил таинственно свой рассказ Миша Орлов.– К утру вернулись в общежитие. Солнце еще не взошло. Все легли спать, а во мне разыгралась бодрость. Открыл окно, сел на подоконник и вытянул босые ноги. Со второго этажа любуюсь утренней зарей, которая поднимается с востока.
- Может, с запада?

– Нет! С востока. Это я точно помню. Смотрю, у калитки появились две фигуры. Одну я сразу узнал – Аркадий. А вторая...

– Что за секретный разговор?

Аркадий появился неожиданно, но тему никому не захотелось прервать.

– Слушай, Аркадий, как могло случиться, что тебя после выпускного вечера с нами не оказалось. Гуляли мы на Свяяге до утра, а ты будто в воду канул.

– Очень просто. Если вы помните, я танцевал с ней весь вечер. Ни у нее, ни у меня пары не было. Отзвучало прощальное танго, она говорит: "Пойдем, Аркадий, прогуляемся".

– И сидели на этом крыльце?

– Да. Сидели и...молчали.

Наступила пауза, которую снова прервал Леонид.

– Молчание зачастую говорит больше, чем красивые слова, – вздохнул он с чувством бывалого знатока. – Где-то я читал, что молчание – это разговор чувств.

* * *

Девушки отказались идти в ресторан. Друзья заказали стол в дальнем углу – тихо и уютно. Процедурой руководил Миша Орлов. Вспоминали. Строили планы.

– Пока еду в деревню, – сказал Леонид и предложил тост за учителей, которые дали путевку в жизнь. – А там... Москва или Ленинград. Хочу попробовать в технический институт.

Аркадию показалось, что друг переоценивает свои возможности. Столичные институты не для нас. Учился Леонид средне, а там требования покрепче, чем на периферии. Но с чем черт не шутит. Леонид был студентом серьезным и целеустремленным. Силы воли ему не занимать. Особенно нравилось, как он играл в шахматы.

– Помнишь, Ляня, как мы разгромили в шахматы команду сороковой школы?

– Конечно, помню.

– Кстати, вся команда наша в полном составе, – замечает Аркадий и вспоминает этот необычный эпизод. – Света Ищерякова в блестящем стиле выигрывает у своей соперницы и получает первое поздравление. За ней пожимают руку Леониду Иванову. Красиво завершает свою партию Коля Штурмин. Только мне пришлось приложить максимум усилий, чтобы спасти партию.

– Но ты играл на первой доске, и противником твоим был, кажется, перворазрядник.

– Нет, – поправляет Леонида Коля Штурмин. – Его противником был кандидат в мастера.

– Жаль, что не взяли в команду меня, – вздыхает Володя Тухтаманов и тянется за рюмкой. – К тому времени я уже вполне сносно передвигал фигуры.

Друзья сочувственно смотрят на Володю.

Пропустили еще по одной рюмке, и Коля Штурмин предлагает каждому вспомнить какой-нибудь случай из жизни училища.

– Леонид, за тобой очередь.

Леонид снял бушлат и повесил на спинку стула. Тельняшка плотно прилегает к загорелому телу. Он поправляет рукава и начинает:

– Я закалял свой характер в спорте. Уже в училище понял, что спорт – это характер. Расскажу, как мы выиграли лыжную эстафету. На первом этапе от нас бежал Вася Елисеев. Он был самым сильным в нашей команде. Но и другие команды стартовыми номерами выставляли спортсменов номер один. Васе пришлось тяжело, но он первым показался на опушке леса. Мы кричим, прыгаем, а Василий Александрович подходит к Васе Емендееву и отдает приказ: "Приготовиться!" Вася вихрем поднимается на холм и скрывается в лесной глуши. Мы были уверены, что он никому лыжню не уступит. Но он пришел вторым, отстав метров на тридцать, и дотронулся до меня рукой. Не помню, как я бежал, но уже на половине дистанции обошел

соперника и вышел на поляну. Аркадию ничего не оставалось, как закрепить победу.

Леонид делает небольшую паузу и продолжает:

– Самое интересное в этой истории заключается в следующем. Когда закончилась эстафета, подхожу к Васе и спрашиваю: "Как могло случиться, что ты не только пропустил вперед лыжника из строительного техникума, но и порядком от него отстал?" Он посмотрел на верхушки деревьев, покрытых инеем, и отвечает: "Виноват. У меня слетела шапка. Веткой нечаянно задело. Шапка не ахти хорошая, но стало жалко. Вернулся назад и потерял несколько драгоценных минут».

Все рассмеялись. Когда умолкли, Коля Штурмин добавил:

– Как тут не вспомнить Тараса Бульбу, который, как вы помните, уронил трубку, сошел с коня и поплатился за это жизнью.

* * *

Когда начался новый учебный год, Володя Тухтаманов сообщил печальную весть – погиб Леонид.

– Как это случилось? – спросил Аркадий и почувствовал, как в горле застрял комок.

– Сдал экзамен и возвращался домой по железной дороге. Видимо, задумался. Электричка его и настигла...

– Это было под Москвой?

– Да. Там жили его родственники.

– Где похоронили?

– На родине. В селе Бор - Игар.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Вася Емендеев вышел на узкую тропинку. С двух сторон к ней подступали березы и тополя. Под ногами шуршала жухлая листва – признак ранней осени. Остановился. На вершине засохшего дерева дятел упорно долбил ствол. Временами пролетала воробьиная стая и как по команде

садилась на поляну. Откуда не возьмись – выскочил зайчик. Встал на задние лапы и, увидев незваного гостя, скрылся за кустами. Где-то в чаще деревьев слышно журчанье ручья. Видимо, пробивает родник.

Дышится легко и свободно. Недалеко должен быть сосновый бор. За ним, по словам старухи, которая на станции подробно разъясняла, как добираться до Кармалейки, начинается небольшой подъем.

Лес кончился внезапно. Василий поставил чемодан, снял рюкзак и небрежно сдвинул фуражку на затылок. Перед ним открылась чудная панорама Национального парка. Кажется, так назван на карте этот уголок земли. Долина напоминала широкий котлован. Там, на горизонте, все сливается в сплошной туман. Лучи уходящего солнца лениво ложатся на поля. Где-то гудят трактора. Кажется, на западной стороне деревни. Идут шеренгой, как танки в бою. Вася внимательно всматривается в очертания села. Первая улица, вторая... На горе – церковь. Где же школа? Нет, не видно. Видимо, спряталась в лесу.

Спуск оказался затяжным. Василий привык ходить умеренным шагом, а тут ноги сами спешат. Одни спуски да подъемы. Другое дело на его родине – равнины и бескрайние просторы. Идешь полем – хлеба шумят. "Хлеба-то везде шумят", – улыбнулся спутник и вдруг услышал сзади голос:

– А ну, посторонись, дядя!

Василий еле успел сделать шаг в сторону – велосипед вихрем промчался мимо него, оставляя дорожную пыль. "Шаловливая, – улыбнулся молодой педагог, увидев в седле девушку с длинными косичками. – Ну, погоди... Тетенька!"

Не успел войти в село, как наткнулся на школу. Она оказалась перед носом, на окраине, окруженная со всех сторон вековыми деревьями. Березы и тополя тянутся к небу – высокие, стройные. Видимо, когда-то здесь шумел лес.

Встретил его сторож. Зовут Гаврилом. Дед Гаврил, значит.

Белая борода, весь лысый. Зато на затылке густые волосы. И не белые. Чуть картавит. При беседе часто проводит правой рукой по макушке. Привычка, значит.

– Откудова приехал, говоришь? – продолжает разговор дядя Гаврил, когда Василий Семенович представился и доложил цель своего приезда.

– Издалека, дед Гаврил. Живу я на том конце света. Имеется такой поселок, Шентала. Слыхали?

– Слышать-то, конечно, слышал. Но она не далече, чем Москва. Свой край. Самарский. Закуришь?

– Нет. Пока не приходилось.

– И то правда. Не начинай. Толку от него никакого. Одни убытки для здоровья.

Молодой педагог не ответил. Он думал о том, как найти директора или хотя бы подыскать уголок для ночлега.

– Директора нонче не будет. Вызвали в район. А насчет ночевальни не беспокойтесь – тут у нас в этом деле полный порядок. Мария Петровна приютит.

– Директор предложил или...?

– Директор не директор – кому какое дело. Все молодые учителя заселяются у нее. Проработают два месяца и...защищать Родину-матушку. Не война, а долг свой присягни. Тебе сколько годков-то?

– Скоро девятнадцать стукнет, – уныло отвечает Василий Семенович и посматривает на запад. На село спускались сумерки. – Можно посмотреть школу?

– Почему ж нельзя? Можно. Зайдешь в коридор – сними обувь. Около вешалки лежат тапочки. Не то... Одним словом, лишь вчера засохли полы. В аккурат приняла комиссия. Ну, иди.

Пока молодой педагог ходил по классам, дед Гаврил затягивал трубку. Дым тонкой струей поднимается ввысь. Ну и погода! Правой рукой проводит по лысине и шепчет, глядя на небо: "Наверняка будет дождь".

По дороге к Марии Алексеевне дед дает наставление.

– Она – человек у нас знатный. Во время войны работала в колхозе агрономом. Ты имей это в виду.

– К чему все это, дядя Гаврил?

– К тому, мил человек, что она не простая. Значит, соответственно и отношение должно быть другого толка.

– Мне кажется, отношение ко всем должно быть равное – будь то врач, или рядовая колхозница.

– Ошибаешься, мил человек. Каждое сословие имеет свой нрав. Значит... Вот ты стал ученым человеком. Как вас учили педагоги? К ученику - малышу должен быть один подход, а со старшеклассниками речь надо вести на другом уровне.

– Ну, это другое дело, – отчеканил Василий Семенович как первоклассник и внимательно посмотрел на сторожа: "Неужели бывший учитель?"

– Вот мы и дома, – поднял засов палочкой дед Гаврил, и калитка отворилась. Подошел к Василию Семеновичу, поднялся на цыпочки и шепнул на ухо: "Тебе тут не будет скучно. У нее сын. Сашей зовут. Кажется, твоих годков".

К крыльцу вел дощатый тротуар, а справа и слева весь палисадник усеян цветами. Мальвы, георгины, хризантемы. Воздух наполнен ароматом, и Василию Семеновичу показалось, что он попал в сказочный край.

Молодой педагог быстро вошел в дело. Иван Константинович принял его в своем кабинете и долго беседовал. Когда Василий Семенович вынул диплом и положил ему на стол, директор, быстро пробежав глазами, держал его открытым.

– Значит, вы учились с моей крестницей, – произнес он ровным голосом и посмотрел на новичка.

Молодой педагог насторожился. Интересно, кому посчастливилось быть его крестницей? Директор не стал ждать вопроса.

– Рая... Раиса Ивановна Артемкина. Ее мать – моей супруге родная сестра, – вздохнул Иван Константинович и вышел из-

за стола.

– Надо же, – удивился Василий Семенович. – Вот к кому попал не поруки. Но почему такой глубокий вздох? Неужели не рады? Рая закончила училище хорошо и получила направление, кажется, в Пензу.

– Конечно, рад, – равнодушно ответил директор. – А вздохнул потому, что вспомнил, как провожали на фронт ее отца – Ивана Артемкина.

Подошел к окну и открыл форточку. В кабинет ворвался ветерок и обдал лицо свежестью. Ударили капли дождя. Иван Константинович закрыл форточку и вернулся к столу. Василий Семенович встал.

– Сидите, пожалуйста.

Молодому педагогу показалось, что директору хочется выплеснуть душу наружу. Может быть, он никогда и никому не рассказывал то, что лежит у него тяжелым грузом на сердце. В такие минуты человеку хочется высказаться.

– Продолжайте, Иван Константинович.

Директор испытующе посмотрел в глаза молодому коллеге и понял, что он действительно ждет его рассказа.

– Мать и пятеро детей провожали его на фронт. Рая была самой старшей – ей шесть лет. Младшая сидит на руках матери, а остальные держатся за оборки ее платья. Скоро пришла похоронка – Иван Артемкин погиб под Орлом, на знаменитой Курской дуге. Мать Раи – Варвара Петровна, как и все советские матери, стала символом мужества. Она поставила всех детей на ноги, дала образование, вложив в них лучшие качества советского человека – жажду трудиться, жить честно, не сдаваться на милость роковой судьбе, а бороться.

Пришла победа, но раны войны давали о себе знать. Трудности были неимоверны. Но все же люди постепенно стали улыбаться. Появилась улыбка и на лице Раи. Годы летели медленно – юность не торопилась. О, как мы ошибались! Рае хотелось как можно скорей войти в большую

жизнь.

Яковлевская школа была единственным учебным заведением, которое славилось во всех чувашских селах. Попасть туда считалось большим счастьем. Рая не скрывала, что мечтает стать педагогом. И я ей постоянно твердил: "Ты рождена быть учительницей". Училась она хорошо, но оценки еще не гарантировали успех. Нужны желание и уверенность в своих силах, которая не должна переходить в самоуверенность.

В один из июльских дней, когда солнце чуть-чуть поднялось над Елауром, Рая накинула на спину котомку и отправилась в дальнюю дорогу. Мать провожала ее до околицы и долго стояла у одинокой березы. Рая шла по крутому холму, замедлила шаги и оглянулась – мать неподвижно стояла на том же месте. Таковы они матери – сильные, мужественные, добрые, строгие. О чем думала в эти минуты мать – никому неизвестно, но Рая, несомненно, почувствовала, как приходят к ней силы, появляется уверенность, шаги становятся твердыми и решительными.

Пристань в Сенгилее полна народу. Женщины с корзинами голосят на все лады – в разгаре ягодная пора. Старики сидят на деревянных скамейках и чинно запускают дым из табачных трубок. Всюду слышны голоса парней и девушек – это раины сверстники начинают свой путь в большую жизнь.

Пароход три раза дал протяжный гудок, и лопасти медленно стали набирать скорость. Рая притаилась на сиденье между двумя старухами, положила котомку на колени и крепко обняла ее руками.

Проснулась она от резкого толчка – пароход ударился о борт пристани. Люди ринулись к выходу.

– Шиловка, – объяснила ей старуха. – Спи, до Ульяновска еще далеко.

Но сон Рае не шел.

– Можно я оставлю мешок? – сказала она неуверенно. – Хочу посмотреть на Волгу.

– Конечно, можно. Клади вот сюда. Никуда не денется.

Рая вышла на палубу. Солнечные лучи ударили в лицо и заставили зажмуриться. Рая прикрыла глаза рукой и устремила взгляд на берег. Какая красота! Так и простояла она на палубе, пока на горизонте не показался город, где пройдут ее счастливые годы.

Она растворилась в шумной толпе и устремилась вверх по деревянным ступенькам, ведущим в город. Подняла голову – города не видно. Прошла несколько пролетов, оглянулась – пристань была похожа на небольшой домик с множеством окон. Чайки тоскливо кричали, сопровождая ее до самой вершины.

Рая была уверена, что стала студенткой, но тревога не покидала ее ни на минуту. Хотя все экзамены сдала на "хорошо" и "отлично", ей сказали: "Жди вызова". Таковы традиции. Приемная комиссия тщательно и всесторонне изучала каждого абитуриента. В первую очередь учитывались оценки, но немало было и детей сирот, для которых не в последнюю очередь открывались двери училища. И это было справедливо.

Последняя декада августа 1950 года прошла в тревожном ожидании. Больше всех волновалась мать, хотя внешне не выдавала переживаний. Наконец-то настал долгожданный момент. "Рая, тебе письмо!" – крикнула тетя Лида на всю улицу и вынула из почтальонской сумки конверт. Рая почти вырвала его из ее рук, быстро раскрыла, взглядом пробежала по четкому почерку и кинулась на почтальонку: "Спасибо тебе, тетя Лида, за добрую весточку! Спасибо!" Побежала – только пятки блестят. Собачка поняла состояние молодой хозяйки и во весь дух устремилась вперед, визжа и виляя хвостом. Ворвалась в избу и кинула письмо на стол: "Мама, я – студентка!" Обнимает и целует, а когда силы иссякли, еле промолвила: "Дорогая! Милая!"

Иван Константинович умолк. Молодой педагог не знал, как вести себя в такой обстановке. Он вспомнил свою молодость.

Она похожа, очень похожа на Раино детство. Не было лишь Волги.

– Спасибо вам, Иван Константинович, за трогательный рассказ. Никогда не забуду.

Открылась дверь и в кабинет ворвалась девушка. Остановилась на пороге и закинула длинную косичку через правое плечо. На одном дыхании выпалила:

– Папа, к нам приехали гости. Мама просила срочно сообщить тебе и...

Увидела молодого человека, и незаметная улыбка зашевелилась на ее губах:

– Здравствуй!

Василий Семенович встал и отвесил поклон кивком головы:

– Здравствуйте!

– И... что же еще велела мама сказать? Забыла. Эй богу, забыла. Ну, я пошла!

"А ну, посторонись, дядя! Ха - ха - ха!" – ворвался через приоткрытую дверь ее звонкий голос, и молодой педагог вздрогнул. "Да, это она, чертова душа" – подумал он и все еще стоял и смотрел на выход.

– Понравилась? – проскользнула улыбка на лице директора. С хитрецей.

Иван Константинович не удивился, когда молодой человек пожал плечами и лениво ответил:

– Красивая.

– Моя дочь. Рая. Дружит с Сашей. Кстати, как тебя приняли? Если что, приходи прямиком ко мне. Найдем другую квартиру.

– Я доволен. Отдельная комната. Тишина. Птицы поют за окном. Одним словом, спасибо.

* * *

На следующее утро Ирина Ургалкина проснулась поздно. Солнечные лучи стали играть на ее розовых щеках, ослепляли глаза, а она все нежилась. Отец ушел на работу рано, а мать возилась на кухне. Сквозь полудремоту Ирина слышала то звон

тарелок, то медленные шаги матери, ставшие привычными для дочери еще с детских лет. Она подтянулась, на секунду открыла глаза и снова закрыла, томясь в истоме. Наконец-то затрещал в печке сухой хворост, в комнате запахло дымом, и Ирина скинула с себя одеяло. Натянула на себя халат, отыскала под кроватью тапочки и, надев их на босые ноги, остановилась перед зеркалом. На нее смотрела семнадцатилетняя девушка с распущенными волосами и голубыми глазами. На губах еще не высохли следы от вчерашних поцелуев, и Ирина, поджав нижнюю губу зубами, откинула волосы назад. Чуть приоткрыла халат и тут же еще туже натянула поясок. Потом сделала полуоборот вправо и, повернув голову к зеркалу, подмигнула: «Есть за что любить тебя, Ирина Ивановна! Пусть парни сходят по тебе с ума – неспроста называют тебя на селе первой красавицей».

Когда солнце поднялось на Жигулевские горы, Ирине стало скучно. Она почувствовала какую-то пустоту в душе. Вчера ее не покидало веселое настроение, провожала своих кавалеров в армию, плясала и пела, а нынче стало грустно. Так грустно, будто на сердце давит необъяснимый груз. Она ходила к подруге, побывала в школе, прошла по улице и долго смотрела издали на Сашин дом, а в душе все равно была безысходная тоска.

Пришла домой, и тишина еще сильнее давила на ее настроение. Ей захотелось снова выбежать на улицу, но вспомнила, что имеется лучшее лекарство от хандры. Ирина подошла к шкафу, оттуда вынула тетрадь и, вырвав первую страницу, села за стол. «Райчонок, здравствуй», – вывела она первые слова и задумалась. Перед ее глазами вереницей прошли картины последних дней. Она не в состоянии восстановить их последовательность, одна наскакивала на другую, менялись лица, и в этой суматохе ей никак не удастся сосредоточить внимание на одном событии. В самый разгар воспоминаний перед глазами всплывает то Сашино, то Васино лицо. Наконец-то она собрала силу воли и успокоилась. «Вчера мы провожали наших парней в армию, – обрадовалась она, как ей показалось, удачному началу. – Сашу, Виталия и этого голубчика Васю. Но до этого произошли

события, которые перевернули мою душу. Ты же знаешь, Райчонок, кроме тебя мне некому раскрыть свои тайны. Так вот. В последний вечер перед проводами у нас собрались учителя, чтобы организовать прощальный ужин. Саша просил, чтобы я пришла к ним домой, но я отказалась. Причину объяснить не могу. Бывают в жизни минуты, когда надо принимать быстрое решение. Вот я и приняла. Ну, погуляли, потанцевали. С Васей, конечно. Потом все собрались к Марии Николаевне. Ты ее помнишь, она преподает математику. И меня потащили. Там снова кружились с этим голубчиком. Знаешь, Рая, такой он был грустный, что слов нет описать. Все смотрит на меня, и я изредка бросаю взгляд в его сторону. До дома пошли с нем, а Саша тоже гулял где-то со своими родными».

Ирина прочитала последнее предложение и, зачеркнув слово «родными», вписала «друзьями». Будет точнее, подумала она, хотя не знала, с кем проводил последние вечера ее кавалер, с которым она дружила уже третий год.

«По дороге Вася говорит: «Давай останемся друзьями. Если согласишься отвечать на мои письма, буду очень рад». Гуляли, наверно, часа два. На востоке стала заниматься утренняя заря, и мы оба поняли, что настала минута расставания. И тут, Раечка, произошло то, чего я никак не ожидала. «Дай, говорит, на прощание поцелую тебя». Нет, он произнес совсем другие слова. «Подари мне, говорит, один поцелуй». А меня, провалились до самой белой глины, будто кипятком обварили. Ой, Раечка, при первой же встрече он сказал такие слова! Видимо, потому, что был последний вечер. Прощальный».

Ирина отложила ручку, встала из-за стола и пошла на кухню. Она почувствовала какое-то облегчение. Груз неопределенности стал терять свой вес, и к ней приходила уверенность. Она вернулась к столу и быстро вывела: «А я в тот момент Сашку совсем забыла. Может, и он в тот вечер с кем-нибудь прощался в таком же виде. Просто смех и беда! А на второй день они оба пожаловали к нам домой. И тут меня бросило в жар. Мама налила всем домашнего пива. Я чокнулась с Васей, а с Сашей не стала. И

тут Саша изменился в лице и посмотрел на Васю звериными глазами. Представляешь, Райчонок, такой был напряженный момент, будь это в прошлом веке, они бы схватились за шпаги».

Ирина задумалась. Она хотела написать, что нынче была у Жени Полетаева, который отвез призывников в Жигулевск, и узнала от него, что у Саши с Васей на привале был долгий разговор. После рассказа Жени Ирина сердцем поняла, что Вася не станет отнимать счастье у такого влюбленного парня, как Сашка. Не такой у Васи характер, который наверняка не станет писать ей и писем. Но эти мысли она решила оставить при себе, ибо не была уверена в их правильности. Только время покажет, в чем она была права, в чем ошибалась. «А с ним ведь у нас была только одна встреча, Раечка, – медленно вывела Ирина строчку и мысленно вернулась к последнему вечеру, когда она разрешила ему не только поцеловать, но и сама сладко прильнула к его груди. – Мало мы знаем друг друга, хотя понравились быстро. И моя любовь к нему, может быть, тоже временная, хотя он почему-то не выходит из головы. Не скрою, хороший он парень. Но ведь в поле много красивых цветов, всех их не перервешь».

Последний абзац Ирина прочитала второй раз и представила, какое впечатление произведет он на Раю Артемкину, которая наверняка прочитает письмо наедине, где-нибудь в беседке или на зеленом лугу.

Кончился срок службы. Василий Емендеев сдержал слово, данное другу – за все годы службы не отправил ей ни одной строчки, хотя писал каждую неделю. Писал и тут же уничтожал. Но время снова разбудило в нем чувство первой любви, и он решил заглянуть в места, где начиналась его трудовая биография. «История меня не простит, если я проплыву мимо», – выпрямился он молодецкато и сошел на пристани Жигулевска.

Мария Алексеевна встретила его с распростертыми руками.

– Василий Семенович! Васенька! – не переставала она повторять его имя и стала накрывать стол. – Как хорошо, что ты приехал. Без погон, значит, насовсем.

– Насовсем, Мария Алексеевна, срок подошел.

– А вот моего Сашу демобилизовали еще в прошлом году. Здоровье подкачало.

Василий хотел спросить, где он сейчас находится, но Мария Алексеевна опередила его.

– Он ведь у меня решил жениться. Рано утром уехал в Жигулевск. Надо кое-что купить к свадьбе.

Василий хотел спросить, кто его невеста, но Мария Алексеевна снова опередила его.

– А невеста его...

Она застряла на фразе и чуть не уронила тарелку. Извинительно посмотрела на гостя, который подошел к вешевому мешку, развязал его и достал оттуда цыганскую шаль.

– Я ведь заехал сюда на минутку, – произнес он, глядя куда-то в угол, и накинул Марии Алексеевне на плечи скромный подарок.

– А это от меня. За вашу доброту и сердечность, за все, что делали для меня хорошего.

Хозяйка подошла к зеркалу, висевшему у входа в спальню, подняла кончик шали и провела им под глазами, сглаживая морщины.

– Спасибо, Васенька, за память. Я уж и не помню, когда получала подарки.

– Ну, мне пора, Мария Алексеевна.

– Да что ты, Василий Семенович. Не пушу! К вечеру вернется Саша. Если он узнает, что ты был у нас и не дождался, очень обидится.

– Не могу, Мария Алексеевна. Через два часа пароход.

– Тогда пропустим с тобой по рюмочке и немного посидим.

– Это можно.

Мария Алексеевна успела рассказать о житье-бытье, какие новости произошли за последние годы на селе, но ни словом не обмолвилась о Ирине. Когда хозяйка на секунду отошла на кухню, Василий Семенович подошел к комоду. На нем в светлой деревянной раме стояла фотокарточка, с которой смотрели счастливые лица жениха и невесты.

– Передайте молодоженам мои искренние поздравления. Я желаю им добра и счастья.

– Обязательно передам.

Василий Семенович накинул на правое плечо вещмешок, взял чемодан и перешагнул порог гостеприимного дома.

* * *

Ирина и Саша так и не поженились. Знал об этом Вася или нет – неизвестно. Василий Семенович устроился на работу в родном селе Старое Афонькино, заочно окончил Казанский государственный университет. Трудился учителем, а затем в течение семи лет возглавлял педагогический коллектив Староафонькинской средней школы. Умер в 1981 году.

ПЕТРОВИЧ

Всему свой черед. В 1960 году Аркадий Воеводин затеял свадьбу. В жены выбрал девушку из села Прибрежное. В семи верстах от Старой Майны, в трех от великой русской реки Волги. Познакомились в пионерском лагере. Он сказал – пора мне жениться. Она сказала – хочу замуж. Зовут Тосей. Антонина Федоровна. Кстати, выпускница Яковлевской школы.

День свадьбы выдался ясным и солнечным. Не скажешь, что на исходе август. Не успели пригласить гостей за стол, как прибегает запыхавшийся от быстрого бега мальчуган и сообщает, что сюда идут какие-то парни и грозятся убить жениха.

Теща ахнула от ужаса, тесть снял со стены ружье и втиснул туда два патрона. Гости засуетились. Аркадий подошел к мальчугану.

– Ну-ка Расскажи, как дело было.

– Как было? – перевел дыхание юнец. – Играем мы в городки, как подходят к нам два парня. Один высокий, шагает как медведь. Другой небольшого роста с улыбающимся лицом. Тот, который похож на медведя, спрашивает: "Где тут проживает Пастухова Антонина Федоровна?" Услышала моя мама, о чем ведут разговор, тоже

спрашивает: "Зачем она вам нужна? Так и сяк. Нынче она, мол, выходит замуж. Свадьба уже в полном разгаре". "Как! – заорал этот... как его... – Пойдем, Володя, говорит, разнесем их в щепки!" Тут мама кричит им вслед: "Не туда путь держите! Они живут вон на том конце села!" Они пошли туда, а я вот сюда примчался".

Мальчуган еще о чем-то рассказывал, но Аркадий его уже не слушал.

– Миша, – улыбнулся Аркадий. – Его почерк.

– Что, Миша, – не поняла невеста.

– На свадьбу едут Миша Орлов и Володя Тухтаманов. Мои друзья.

– Где тут жених, который украл мою невесту? – раздался бас за калиткой.

Юнца как ветром сдуло – прошмыгнул меж ног и быстро исчез.

Шесть дней длилась свадьба. К вечеру первого дня небо покрылось тучами и ударили первые капли дождя. А со следующего утра из небесной выси будто кто-то лил из ведра. Каждое утро гости вставали с надеждой на ясную погоду, а она, как нарочно, еще сильнее хмурилась. Выглянет солнце на пять минут и снова уходит за тучи. Асфальтовой дороги тогда не было. Повсюду непролазная грязь. Тетя Лиза начинает день со слез – дома ждут дети, а тут Бог наказал за какие-то грехи. К вечеру ситуация меняется – тетя Лиза поет и пляшет и не вспоминает, что ее где-то кто-то ждет.

"Дождь на свадьбе – счастье на долгие годы", – гласит пословица. Но в то время Аркадию она была неизвестна.

Настал день расставания. Солнце приветливо выглянуло, тучи исчезли, запели птицы. Подали грузовую машину. Подходит к молодоженам Володя Тухтаманов и говорит:

– Приглашаю вас на свадьбу.

– Скоро?

– Через две недели.

– Кто невеста?

– Моя ученица.

Приглашение, разумеется, принято.

Подходит к молодоженам Миша Орлов. Да не один, а с сестрой Антонины Федоровны – Марией. И говорит:

– Это моя невеста.

* * *

Семинар решили провести в кабинете истории. Оценки давали его коллеги – учителя истории, многие из которых работали директорами школ. Заведующая районо Лилия Павловна Пискунова заняла место за первым столом и вынула из сумочки небольшой блокнот, куда записывала важные мысли и выводы. Все оживленно беседовали и шутили. Руководитель секции Василий Григорьевич Зверев посмотрел на часы.

– Товарищи, – начал он спокойно. – На уроке Михаила Петровича присутствовали, по моим подсчетам, двенадцать человек. Кажется, все пришли на итоговый разговор. Мы должны давать оценку и уроку, и личности учителя. Кто имеет слово?

– По традиции мы должны послушать учителя, но у меня неожиданно возник вопрос. Михаил Петрович, почему ты по своему трактуешь реформу 1861 года? Ты что, Ленина не читал? Или просто игнорируешь его выводы?

Иногда вопрос приковывает внимание аудитории сильнее, чем самая изысканная речь. Директор Карамзинской школы Николай Петрович Вакуленко редко выступает, но по части вопросов и реплик славится. К его чести или не чести – вопросы его не только актуальные, но и каверзные.

Орлов вышел из-за стола и встал рядом с руководителем секции. Долго смотрел куда-то в угол. Видимо, размышлял. На умный вопрос и ответ должен быть умным.

– Неужели я против Ленина пошел? – начал он тоже с вопроса и почувствовал неловко. – Мне хотелось раскрыть восторг крестьян, которые впервые в истории России

получили личную свободу. Какая бы она ни была, свобода – все равно лучше любой неволи.

– Может быть, ты где-то прочитал в художественной литературе? Слишком уж красочным получилось описание.

– Нет, не читал. Целое лето провел в архиве. Изучал историю своего села. Вот и наткнулся на документы того времени.

– Я в восторге от урока, – тут же подхватил Петр Михайлович Посконин. – Известно, что после 1861 года еще долго над крестьянами, как дамоклов меч, висели долги. Издевательство над крестьянами продолжалось. Но возьмите сам факт освобождения. Выдается акт на землепользование крестьянской общине. Его, оказывается, хранили как зеницу ока. Петрович, может быть, известна и фамилия того человека, у которого хранился акт в вашем селе? Ты на уроке сказал, что его вручали человеку, который пользовался доверием сельчан, авторитетному, неподкупному, честному.

– Да, мне его имя известно, – покраснел Михаил Петрович. – В последние двадцать лет перед революцией акт хранился у моего деда.

– А почему не назвали на уроке? – выпалил Анатолий Иванович Мошин.

– Как-то нескромно получается.

– Не скромно, – протянул Александр Иванович Игнатьев и попросил слова. – Не скромно...Я бы сказал, но тут женщина сидит.

– Мне, может, выйти? – бросает реплику Лилия Павловна и от души смеется.

– Ни в коем случае. Без вас, Лилия Павловна, воцарится невообразимая скука, – поправляет манжеты директор Ульяновской школы и продолжает: – Я вот что хочу добавить. Урок не стандартный. В разнообразии форм и методов – одно из важных его преимуществ. Мы часто повторяем о необходимости использования краеведческого

материала на уроках. Сегодня получили наглядный пример того, как органично, я бы сказал даже – красиво, можно вписывать его в тему занятия.

Выступали почти все коллеги. Валерий Васильевич Кислинский затронул речь учителя на уроке, Иван Дмитриевич Семенов отметил самостоятельную работу учащихся, Николай Иванович Лоснов остановился на развитии логического мышления. Заведующая районо сидела и что-то строчила.

* * *

Прошло почти две недели, как прошел районный семинар, и Михаил Орлов сидел в кабинете заведующей районо.

– Не догадываешься, по какому вопросу я тебя пригласила? – таинственно спросила она и поправила локоны.

– Может, что-то натворил или жалобу на меня сочинили.

– Нет, не угадал. Хочу предложить тебе директорскую должность.

– Да что вы, Лилия Павловна, какой из меня директор? Я же...

Хотел сказать, что слаб характером, слегка выпивает, не требователен да и привык к тетюшскому коллективу. Отношения хорошие, не конфликтую, дети меня уважают. Но помолчал.

– Правда, характером слабоват, но зато организатор хороший. Речь грамотная. Пользуешься авторитетом у коллег. Уважают тебя школьники. Требовательность будешь компенсировать личными качествами.

– У меня и опыта по руководству нет.

– Опыт – дело наживное. А вот личные качества не приобретешь.

Лилия Павловна была женщиной, прекрасно владеющей ситуацией. Глубоко и всесторонне знала кадры. Лишена всякого высокомерия. Открыта для диалога. Доверчива. В больших карих глазах постоянно светится доброта. Она не стала ждать ответа и предложила несколько школ на его

усмотрение. Михаил Петрович знал, что поступиться доверием женщины, которую уважали и любили все директора, равносильно ране, нанесенной ей необдуманном поступком. Орлов согласился на Шумовскую школу.

– С чего думаешь начать?

Снова испытывающий взгляд. Снова надо ответить экспромтом.

– Думаю... Мне кажется, необходимо в первую очередь встретиться с опытными директорами.

Лилия Павловна протянула руку:

– Желаю успеха.

* * *

Рано утром следующего дня Михаил Петрович отправился в Баратаевскую среднюю школу. Хорошо, что уроков не было. Как говорили тогда – день самоподготовки, который имел в неделю один раз каждый учитель. Сошел с автобуса, и майский ветер стал трепать белокурые волосы. В переулке пышно расцвела одинокая черемуха. Вдохнув полной грудью аромат свежего запаха, ускорил шаг. "Однако ж, я забыл спросить, по какой причине уходит директор, – внезапно пришла к нему тревожная мысль. – Вдруг... Нет, не может быть. На живое место Лилия Павловна не предложит".

С плеч будто свалился груз. Кончился переулок, и открылась широкая улица с двухэтажными домами.

– Я хотел ошеломить тебя ранним визитом, а ты, оказывается, уже на ногах, – крикнул издали Орлов, увидев директора школы около георгин, которые цвели на площадке перед школой.

– Люблю утреннюю прогулку. Мысли новые приходят. Голова освежается.

– Петр Михайлович, я к тебе...

– Не надо объясняться. Я в курсе последних событий, – улыбнулся Посконин и взял коллегу под руку. – А приехал ты действительно рановато. Надо было к вечеру. Всухую и в голову ничего не лезет.

– В следующий раз обязательно учту.

– Думаю, уроки мои не будешь посещать. Ты сам большой мастер. Что касается директорства...Кстати, поздравлять пока не буду. Рано. Получишь приказ...

– Понял, товарищ директор. Все сделаем чин по чину. А пока расскажи мне, дорогой Петр Михайлович, с чего должен начинать директор школы.

И Посконин стал рассказывать, как важно держать в поле зрения основные звенья. Хотя каждый директор знает педагогические принципы, в повседневной практике как-то они быстро забываются и директора начинают тонуть в текучке.

– Правильное начало гарантирует успех всего дела, – сказал бывалый директор серьезным тоном, но без назидания. – Хочешь послушать, как я начинал?

– Конечно. Затем сюда и приехал.

– Когда принял вот эту школу, первая мысль, которая пришла ко мне в голову, – идти к директору совхоза с просьбами. Составил даже список. Штампик, печать – все в ажуре. Документ! Проходит день – список лежит на столе. Проходит второй, третий – смотрю на список и чувствую, что начинаю я не с того конца.

Петр Михайлович повернул в другую сторону, и они медленно стали двигаться вглубь территории, где начинается школьный сад. Время цветения, и яблони стоят словно под белым покрывалом. Легкий ветерок – лепестки медленно падают на землю.

– Жаль, что не пошли. Я бы...

– Нет, к директору я все же пошел. Прихожу, как и ты, ранехонько и захожу в кабинет. Поздоровались. Правда, суховато. Василий Максимыч спрашивает: "С какими просьбами пришли?" Чуешь – директор совхоза не представляет иного пути развития событий. Испокон веков директора школы приходили к нему лишь с одной целью –

выпросить, выклянчить что-нибудь для школы. Отсюда и тон разговора. Отвечаю ему: "Просьб никаких нет. Так и сяк, погода стоит, мол, теплая и сухая. Слышал, что урожай приличный вырастили на полях, а рабочей силы не хватает. Может, старшекласников снарядим?"

Директор делает удивленные глаза. Хочет что-то сказать, но не может.

Прошло, по-моему, больше месяца. Уборку завершили. В одно прекрасное утро постучали в мой кабинет. "Открыто!" – кричу. Открывается дверь – заходит директор совхоза. Улыбка – во! "Спасибо, говорит, за помощь. Уборку завершили. Дети получают то, что заработали". Кинул на стол кепку. Расстегнул плащ и грузно опустился на стул. "Слушай, говорит, может, есть ко мне просьба?"

Тут-то я подсовываю ему...Только не список, а договор.

– Интересно, – вздохнул Михаил Петрович и съежился. – Не вызвал, а сам пришел. Это кое-что значит. Очень любопытно.

* * *

Став директором Шумовской средней школы, Михаил Петрович завоевал всеобщее уважение среди своих коллег. Он был доступен, прост в общении, скромн, никогда не кичился своими знаниями. Директора его называли не иначе, как Петрович. Умер в 1987 году.

ТЮМЕНСКАЯ ПЛЕННИЦА

Они глубоко верили в наш строй, в нашу историю. Были уверены, что никакие обстоятельства и перемены в стране не могут расшатать их идеалы. Воспитывала студентов вся обстановка, – и уроки, и учителя, и книги, и театр. Особенно любили ходить в кино. Появится новая кинокартина на экранах, организуют коллективный поход. Хорошая была традиция!

С каким упоением смотрели фильмы «Максимка», «Чапаев», «Секретарь райкома», «Мы из Кронштадта», «Свадьба с приданым», «Молодая гвардия», «Кубанские казаки». Ходили

в кинотеатры «Художественный» и «Пионер». Но был еще один клуб, где часто показывали картины революционной поры. Находился он недалеко от Дамбы и назывался Дом колхозника, где находили пристанище приезжающие сельчане. Кинозал был небольшим, и билеты стоили дешево.

Однажды Света Ищерякова сообщила, что демонстрируется там фильм «Ленин в 1918 году».

Она была в легком ситцевом платье и в новеньких туфельках. В кино шла как на праздник. Сидели где-то в пятом ряду. Есть в этом фильме такой эпизод. Владимир Ильич и Иосиф Виссарионович из одного котла едят картошку в мундире. Кончился фильм, и вышли на улицу. Вечерняя прохлада окутала окрест. Шли молча. Каждый думал и еще раз переживал вместе с героями картины.

– Какие были люди?– прервала тишину Светлана. – Хлеб и соль делили пополам. Прошли такие испытания...

Все молчали, а она все говорила и говорила. В ее настроении легко можно было уловить черты, присущие лишь людям высоких идеалов. Она рассуждала о том, по каким признакам нужно ценить людей, как важно быть искренними в трудную минуту, как сохранить веру и надежду, если хотим быть чуточку похожими на наших вождей.

Володя Тухтаманов шел чуть сбоку, но слышал все, о чем мечтала Света. Ее мысли, суждения, помыслы ему близки и оттого он уважает ее еще больше, старается уловить каждое ее слово.

Светлана окончила училище с отличием и поступила учиться в институт. Воеводин встретил ее после возвращения из армии. Такая же худенькая, но со жгучими глазами. Аркадию показалось, что в ее характере появилась какая-то неопределенность.

– Я, наверное, уеду,– сказала она при встрече и опустила глаза. – Устала. Перейду на заочное. Сейчас многие так поступают.

В то время Воеводин не сумел взвесить всего того, что таилось за этим ее шагом. Чтобы оценить его, нужно знать многие страницы из биографии человека. А он почти ничего не знал. Не знал, в каких неимоверно трудных условиях она пробивала себе дорогу. Когда узнал – понял, что действительно она устала.

Мать – Любовь Никифоровна воспитывала четверых детей. Светлана была старшей в семье. Она умела делать все – варить, стирать, доила корову и даже косила траву. Организм она тренировала с малых лет и была крепкая и по телу, и по духу. Хорошо каталась на лыжах, хотя спортом не увлекалась. А за шахматной доской чувствовался истинный ее характер – железная воля и выдержка.

В училище о своих друзьях-товарищах знали, если не все, то достаточно для того, чтобы представить себе их жизненный путь. Знали, кто родители, как живут, откуда родом. Но Светлана была тайной. Она никогда и ни на что не жаловалась. Всем своим образом жизни она старалась доказать, что она ни в чем не нуждается, что она воспитывалась в культурной и обеспеченной семье. У нее был особый подход к людям, общительна и требовательна, советовалась, обменивалась. Но никогда не просила. Все думали, что Светлана обеспечена всем необходимым, чтобы плодотворно учиться.

Институтские годы ей давались еще трудней. Постоянно приходилось отказывать себе в самом насущном. Потому что в это время все четверо детей Любви Никифоровны учились в высших учебных заведениях. Учились на одной зарплате матери.

* * *

До начала областного семинара оставалось немного времени. Воеводин остановился в проходе и посматривал на передние ряды, где были свободные места.

– Здравствуй, Аркадий! – услышал он свое имя и оглянулся. – Не узнаешь?

Женщина, увидев удивленные глаза, застыла в улыбке.

Конечно же, Воеводин ее узнал сразу. А удивлен он потому, что никогда не думал встретить ее в этих краях.

– Как сюда попала?– вырвалось у Аркадия.

– Попала вот,– исчезла с ее лица улыбка. – Ты что, не рад встрече?

– Конечно рад. Но никак не укладывается в мозгу одна вещь.

– Какая?

– Истинная патриотка покинула свое родное Артюшкино,– вздохнул Воеводин и измерил Свету с ног до головы. – Служение родному селу, как мне помнится, было главной твоей ценностью. Что заставило тебя, если не секрет, покинуть родные пенаты? Может, с матерью что-нибудь случилось?

Но Воеводин ошибся. Любовь Никифоровна жива и здорова, в свои девяносто лет имеет прекрасную память и ясный ум. Всю жизнь проработала учительницей. Орден Ленина – награда за труд. Окончила Яковлевскую школу. Была женой ямщика, которого отняла война.

Эти подробности Воеводину стали известны много лет спустя, а в тот сентябрьский денек им не удалось даже поговорить по душам.

– Расскажу при следующей встрече,– крикнула она из окна автобуса, который увез делегацию не то в Барышский, не то в Инзенский район.

* * *

Прошли годы. Воеводин стал партийным чиновником. Однажды к нему подходит молодая женщина и сообщает, что он, Воеводин, учился с ее сестрой. «С кем?– спрашивает партработник, желая скорее получить ответ. «Со Светой Ищеряковой»,– отвечает она и смотрит, какое впечатление произвела на него такая новость.

Аркадий не сразу понял состояние своей души, но почувствовал какое-то облегчение, словно он что-то нашел.

– Где она живет?

– В Глотовке.

– Давно обитают в тех краях?

– Лет двадцать.

– В гостях у вас бывает?

– В каждый год во время каникул приезжает вся семья. У них своя машина. Комфорт!

Ему захотелось спросить, почему она проявляет столь холодное чувство к своему бывшему однокашнику, но воздержался. Если человек катается в легковой машине, значит, есть причина. Люди со временем забывают не только моральные ценности, но и своих друзей.

Трудовая биография у Светланы Григорьевны началась удачно. Она мечтала попасть в свою деревню и приносить ей как можно больше пользы. Высокие материи ее не интересовали, и она целиком погрузилась в учебный процесс, в котором находила удовлетворение своим чувствам. Дети ее любили, и она отдавала им сердце и душу. Однообразие ее не пугало. Новые книги, деревенская природа поглощали ее свободное время и не давали ни минуты отдыха.

В один из летних дней, когда вечерние сумерки близко подошли к окошку, и лунный свет, пробив стекло, удобно расположился на полу, Светлана Григорьевна на цыпочках вошла в дом и тихо прошла в свою комнату. Она знала, что мать после трудового дня отдыхает. Аккуратно сложив книги, которые притащила из школы, устало села на стул и включила настольную лампу. «Вот и все, – вздохнула она глубоко и откинула голову назад. – Учебный год позади, а впереди длинные каникулы. Хорошо бы махнуть куда-нибудь на юг, к Черному морю». Вытянула вверх руки и опустила на стол так, будто они вышли из подчинения. И вдруг рука ее прощупала предмет, который она на столе не оставляла. Она дернула руку и, словно ужаленная, вскочила на ноги. «Почерк незнакомый и обратного адреса нет, – произнесла она вслух. – Что же это означает?» Она отошла от стола, держа конверт в

руке, и снова вернулась. Сердце бешено заколотилось и, казалось, нет сил, чтобы заставить его войти в привычный ритм. Села на стул, и усталость полностью овладела ее хрупким телом. «Открою завтра. Утро вечера мудренее», – сказала она твердо и направилась на кухню. Но еда не шла. Она бросила ложку и снова вернулась к письменному столу, взяла ножницы и аккуратно провела ими по краю конверта.

«Здравствуй, незнакомая Света, – прочитала она про себя первые слова и быстро пробежала по письму. Она сразу поняла. Она знала, что так и будет. Иначе не могло случиться, потому что сердце не может обмануть. Думала о нем все эти дни, представляла его глаза, густую волнистую шевелюру и тон разговора, в котором чувствовалась необыкновенная манера вежливости и доброты. «Быть может, мое письмо вызовет в твоей душе тревогу и даже негодование, но я не могу скрывать свои чувства, – читала она письмо и чувствовала, как лицо ее заливается кровью и в ногах начинает клочкотать неудержимая дрожь. – С тех пор, как я увидел тебя, меня навсегда покинул покой. Мне трудно объяснить состояние моей души, но ты меня должна понять. Я уверен, что ты из тех девушек, которые трезво смотрят на жизнь. Если ты не забыла тот день, то...»

Конечно же, она запомнила тот день настолько, насколько способна целомудренная девичья душа вместить первые чувства, вызванные неожиданной встречей. Произошло это в последнее воскресенье весны, когда после полевых работ проводился большой праздник. Народ пел и плясал, показывал свое искусство шить и вышивать. В тот день Светлана была в хорошем настроении. С подругами гуляли по сельскому парку, ходили до лесной опушки и шумной гурьбой возвращались обратно, а когда объявили о футбольном матче, ринулись на стадион. Она была не ахти большой знаток этой игры, но понимала, кто в какие ворота должен забивать гол. Стадион шумел и гудел, а Светлана сидела тихо и молчаливо. Лишь однажды она выразила свое чувство

восторгом. Произошло это на какой-то минуте матча, когда высокий парень с черными волнистыми волосами из соседней команды забил красиво головой гол. Но ее пыл быстро угас после того, как парень, сидящий рядом, строго посмотрел на нее и крикнул: «Ты что, за чужих болеешь?».

После матча к ним подошли парни из соседнего села и, огорченные поражением, просили болеть в следующий раз за них, и победа будет за ними.

– Скажите, как вас звать, тогда будем болеть за вас, – смеялись девчата.

Ребята по очереди стали называть свои имена.

– Саша Савинов. Студент. Практику прохожу в Канаше. Родом из Ульяновска, – промолвил симпатичный парень с черными глазами, поправляя мокрые волосы, и неумело спрятал руки за спину.

С тех пор прошло почти месяц, но парень не выходил из головы Светы. Его образ всплывал на уроках, не давал покоя в минуты затишья и однажды приснился даже во сне. И вот настал момент, который, может быть, войдет в ее жизнь, как самая счастливая минута.

«Саша. Саша Савинов, – произнесла она вслух и рухнула в постель.

Начиная с того памятного дня, она получала письма регулярно и охотно на них отвечала. Она поняла, что в ее жизнь ворвался человек, который постепенно, но основательно овладевает ее сердцем.

Кончился еще один учебный год. Саша Савинов, получив институтский диплом, едет в Артюшкино.

– Поехали! – кричит он с порога и кружит ее в крепких объятьях.

– Куда? – спрашивает Светлана и крепко прижимается к кавалеру. Соскучилась!

– В Сибирь! По следам декабристов! – смеется Саша и протягивает невесте направление.

– Не могу, – отвечает она задумчиво, прочитав бумагу и

возвращая ее владельцу.— Мама одна...Да и не готова я к такому повороту событий.

Сколько ни уговаривал молодой специалист, согласия не получил.

Прошел еще год. Письма из далекого сибирского села шли конвейером. Грустные. Ласковые. Призывные. Доверчивые. Не выдержало сердце девичье, затуманилось. Махнула на все рукой и отправилась в неведомые края. Ничего с собой не брала. Лишь маленькую сумочку и...в путь. «Повидаюсь и вернусь»— подумала она и, поцеловав мать, зашагала на станцию.

А через десять дней мать получила весточку — не ругайте, мол, остаюсь в сибирской глуши. Смахнула Любовь Никифоровна набежавшую слезу и снарядила в путь с приданым младшую дочь.

Сибирский край удивил Светлану Григорьевну своей красотой. Небольшая деревушка, окруженная со всех сторон дремучими лесами. Река разделяет село на две части. Вода в ней, как слеза, прозрачная. Рыбы — хоть пруд пруди. Природа суровая, но сказочная.

Так началась ее сибирская эпопея. В этом поступке — весь ее характер. Не обдумав, она никогда не принимала решения. Решившись, смело шла на любой шаг. Она долго размышляла, переживала, строила догадки. Но когда убедилась, что нашла настоящего спутника жизни, отбросила все сомнения.

* * *

Сложна дорога жизни. Были трудности и на ее пути. В Сибири породнились с местными жителями, но родные места неумолимо звали к себе. И вот они на родине мужа — в Глотовке. Школу только построили, и учительская семья оказалась кстати. Александр Иванович Савинов вырос до директора школы. Трудности и сложности жизни еще больше укрепили их дружбу.

НА ТО ОН И СОЛДАТ

Прошло больше месяца, как начался учебный год, и в

класс, вслед за учителем вошел парень в военной форме. Петр Иванович прошел к столу, а солдат остановился у доски. Смотрит куда-то вдаль. Глаза маленькие, жгучие. Черные волосы. Весь класс устремил взгляд на него. Любопытство тут ни при чем. Новая ситуация, и на нее каким-то образом надо среагировать.

– В вашем полку прибыло, – произнес учитель и чуть улыбнулся. – Недавно демобилизовался из армии. Так сказать, из воинского полка прибыл в студенческий. Прошу любить и жаловать. «Пришел учиться, а сумки не имеет», – подумала Маша Суркова и тут же сообщила об этом подруге.

– А как его зовут?

– Лев!

– Ого! – воскликнул Ваня Данилин и зажмурился.

– Медяков Лев Павлович, – внес корректировку вчерашний боец и недружелюбно посмотрел на Данилина.

– Вот и познакомились, – сказал учитель и занял место за столом.

Лев прошел по левому краю и посмотрел на задние ряды. Остановился перед Ваней Данилиным, который сидел один, но занимал крайнее место.

– Можно?

– Конечно, – буркнул Ваня и уступил место.

– Спасибо, – поднял крышку парты Лев и старался сесть без шума. Не получилось – послышался сухой скрип, как от несмазанного колеса телеги. Подобные звуки никого не раздражали – они прочно вошли в жизнь класса. Ваня вырвал из ученической тетради лист и положил перед соседом. Лев отвесил поклон кивком головы, но не понял, чего было больше в этом жесте – сочувствия или иронии. Маша Суркова повернулась и протянула ему целую тетрадь. «Спасибо», – шепнул ей Лев и вынул из кармана гимнастерки блокнот и авторучку. «Ого! – не воздержался Ваня, увидев в руке солдата необыкновенную ручку. «Откуда?». «Трофейная». «Можно подержать?». «Пожалуйста».

Лев Медяков вошел в коллектив незаметно. Он мало говорил, а больше находился в задумчивом состоянии. Час самоподготовки уже походил к концу, как вызвали его из класса.

– Тебя разыскивает директор, – сказала тетя Шура и, сняв пухлый платок, стряхнула с него мокрый снег. Потом будто невзначай проронила: «Хлопьями падает. К весне, видимо».

– Где его найти?

– В конюшне.

– В конюшне? – удивился студент и пошел одеваться.

Петр Михайлович встретил его у входа. Из конюшни повеяло навозной жижей и ударило в нос.

– Извини, что пришлось побеспокоить, – стряхнул директор с плеч снежный пласт и протянул руку. – Решил было съездить на улицу Пищевиков, да конюх заболел. Ты случайно не в кавалерии служил?

– Нет. Был танкистом, но с лошадьми, бывало, приходилось обращаться. Правда, было это давно, еще в детстве. Думаю, сноровка осталась.

– Тогда я схожу домой, переоденусь, а ты готовься к отъезду. Сбруя в конюшне.

Лев Павлович вошел в небольшое помещение, и лошадь хлеснула хвостом. «Забыл спросить, как кличут, – подумал студент и махнул рукой. – Ладно, обойдемся без клички. Небось, ручная». Подошел поближе, и лошадь, слегка подняв заднюю ногу, резко провела по воздуху. «Ого!» – успел крикнуть Лев и отошел в сторону.

При тусклом свете от лампочки отыскал ларчик и, открыв крышку, насыпал полведра овса. «Не густо. Хватит не больше, чем на месяц». Нырнул под перекладину и очутился около савраски, которая стала глотать, не вынимая головы из ведра. «Голодная, а кормить некому. Хотя бы меня попросили».

Когда тронулись в путь, снег перестал. На горизонте появилась даже белая полоска, которая через некоторое время переокрасилась в розовый цвет. Выехали на улицу Шевченко, и

начался затяжной подъем. Лев сидел на месте возницы и внимательно следил за дорогой. Иногда чуть поднимался – нет ли встречных.

Петр Михайлович лежал на боку, облокотившись на правую руку. Под ним тихо трещала солома. А сверху байковое одеяло. Подъем кончился. Справа осталась Дамба – место бойкой торговли и единственной общественной бани, куда студенты ходили по субботам.

– Говорят, у Ивана Яковлевича был бараний тулуп, – прервал Лев Павлович паузу. – Слышал, что подарил ему его помещик Шатров.

– А у меня такого добра нет. Да и к чему мне тулуп? Расстояние около трех километров, и бываю я там не больше двух раз в месяц.

Зашуршала солома. Видимо, Петр Михайлович облокотился на другой бок.

– Так-то оно так. Но погода бывает разная. Мороз не приходит по заказу. Иногда зацепит крепко, корчишься, будто тебя схватила какая-то болезнь.

Наступила тишина, которую нарушил директор.

– Воевал-то где?

– На Висле.

– Польшу, значит, освобождал.

– Варшаву.

– Трудно приходилось?

– Две недели лежали в грязи. Не могли перейти Вислу. Бомбили днем и ночью. Головы не могли поднимать. «Ну, душечка, посмейся», – слегка стянул вожжи, и лошадка побежала рысью.

Снова наступила тишина, и Льву вдруг вспомнились наставления отца. Давно это было, еще до войны. Батяка любил повторять, что лошадьё управлять – большое искусство.

Петр Михайлович вскочил и сел на колени.

– Сейчас будут ворота. С правой стороны. Стоп!

Он молодецвато прыгнул с саней и исчез за калиткой. Послышалось, как снял засов, и калитка со скрипом стала открываться.

– Будем час, не больше,– сказал директор, когда оказались во дворе.– Сходи к своим сверстникам, посмотри, как они готовятся к урокам. Расскажешь на обратном пути.

Лев снял дугу, хомут, седло и аккуратно сложил на сани. Лошадь привязал к перилам и достал сена.

– Будем час, не больше,– улыбнулся кучер и провел рукой по гриве. Лошадь в знак согласия мотнула головой.

– Люся, куда ты бежишь?

Виноградова резко остановилась и от неожиданности разинула рот. Поправила платок и внимательно посмотрела в глаза отставного сержанта.

– Я-то в магазин. А как ты здесь очутился?

– Очутился вот. Начальство привез,– улыбнулся Лев и повернулся к подводе.

– Ты что, конюхом работаешь или кучером?

Лев пожал плечами.

– Как тебе сказать...

– Ну ладно. Расскажешь потом. Я побежала.

Остановилась у калитки. Крикнула:

– Комната девятая! Второй этаж!

На обратном пути погода совсем устоялась. Ударил легкий морозец. Якимущкин занял прежнее положение, но почему-то лег на спину.

– Трудолюбивый народ,– произнес он тихо, когда проехали улицу Карла Маркса

– Не слышу! – крикнул Лев и повернул голову назад.

– Трудолюбивый ваш народ!– повторил директор, повысив голос, и добавил: – К тому же гостеприимный и... добрый.

– Откуда вам известно, Петр Михайлович?

– Сам был свидетелем. Ты должен знать, что во время войны наше училище перевели в небольшое чувашское село Толкаево под Куйбышевым. Ехали в товарном вагоне. Пятнадцать студентов и девять учителей. Мороз покрепче, чем сейчас. Разгружались ночью. А утром, слышу, стучатся в дверь. Открываю дверь, и вижу двух женщин с кувшинами на руках. «Чем я обязан?» – спрашиваю. «С приездом, говорят. Устали, наверно, с дороги. Голодные, небось. Молока вот принесли немного».

Послышался глубокий вздох. Петр Михайлович умолк.

– А дальше? – не выдержал кучер.

– Провожали со слезами на глазах, – произнес директор и вдруг сменил тему. – А в небе бездна звезд. Кажется, Ломоносов сказал. Лежу вот я и стараюсь найти дно, но не получается. Вселенная не имеет ни начала ни конца. Уму непостижимо!

– Как же так, Петр Михайлович. Вот мы нынче приехали в женское общежитие и снова возвращаемся. Есть и начало, будет и конец.

– Так-то оно так. Но до того, как мы выехали, время уже шло. Приедем – время не остановится.

Уже третий час шел Лев Павлович по пыльной дороге. Временами останавливался и стряхивал с себя тополиный пух. Обогнала машина. Ему показалось, что райкомовская, но различить номера Лады ему не удалось. Подобные случаи бывают часто. Работают в одном коллективе, сидят в одном здании, питаются в одной столовой, даже дни рождения справляют, а вот за пределами партийного дома становятся чужими. Лев Павлович давно задумал уйти из райкома, но как-то совесть не позволяла. Рассуждал он высшими категориями и считал, что уход его будут расценивать как проявление слабого характера, как отсутствие партийного долга и даже как нарушение партийной дисциплины. И занесется общественный резонанс – стыда не наберешься.

И вдруг мимо него снова пронеслась легковая машина и,

сделав крутой поворот вправо, остановилась прямо перед носом. Открылась дверца и партийный чиновник услышал голос председателя колхоза «Воля» Мельникова:

– Куда путь держите, товарищ инструктор?

Медяков подошел поближе и, сняв фуражку, провел рукавом по лбу:

– В Петровку, Григорий Николаевич.

– Садитесь, довезу.

– Так вам же не по пути, товарищ председатель.

– Ничего. Сделаем небольшой круг. Торопитесь на партийное собрание, небось.

– Так точно, товарищ председатель.

– Не опаздываете?

– Никак нет, товарищ председатель.

– Что вы заладили «Так точно», «Никак нет». Слова какие-то казенные, душу не согревают.

– Привычка, Григорий Николаевич. Еще с военных времен осталась.

Лев Павлович хотел сказать, что язык отражает состояние общества, уровень его культуры. Зв последние годы он действительно перестал следить за своей речью. Так и лезут в лексикон слова-паразиты. О, как строго предупреждала Вера Николаевна Новикова, чтобы мы никогда не забывали, что засорение русского языка отражает уровень воспитанности человека. К сожалению, бывая на партийных собраниях так и вылетают из твоих уст какие-то штампы. «Постановление ЦК обязывает...». «Надо во что бы то ни стало выполнять директивы партии...»

Машина круто повернула налево и въехала в сосновый бор. Запахло смолой. Медяков снял фуражку и положил на колено.

– Не понимаю нашу партию, – вдруг изменил тему разговора Григорий Николаевич. – В партийной кассе лежат миллиарды, а своих работников не может обеспечить транспортом.

Он скосил глаза на партийного чиновника, который вряд ли оставит реплику заслуженного хозяйственника без ответа.

– Партии виднее, – выбрасывает инструктор стандартную фразу. – Мы люди маленькие. Как говорил еще Сталин, винтики той громадины, которая называется партией.

– Так-то оно так, но есть вещи трудно объяснимые. В моем колхозе, например, все управляющие и бригадиры имеют по машине. Им машина позарез нужна. Поля, фермы, уборка урожая, сенокос. Тут все понятно. А вот зачем она нужна моему брату, работающему начальником небольшого цеха на одном из заводов города, ума не приложу. Все производство на месте, неделями не выходит из своего кабинета, а ему выделили новейшую легковушку.

Лев Павлович тоже часто думал о той несправедливости, которая приняла масштабы, о чем не принято говорить вслух. Достаточно привести в пример свой райком. Первый имеет в своем распоряжении две машины. Одну эксплуатирует сам, а вторая обслуживает жену. А инструкторы курсируют по району пешим ходом.

Вот и Петровка. Машина резко затормозила и остановилась перед сельским клубом.

– Что-то вы забыли дорогу в наш колхоз! – крикнул, прощаясь, в открытое окно кабины Григорий Николаевич. – Приезжайте! Выпишу самое свежее место!

– Спасибо, Григорий Николаевич, на добром слове! Будет случай – непременно приеду!

Собрание в колхозе «Воля» стало последним в биографии Льва Медякова. На второй день он оставил заявление в приемной первого секретаря с просьбой освободить его от занимаемой должности в связи с ухудшением здоровья. Первый вызвал его в тот же день в кабинет.

– Мы твоей работой довольны, – сказал он, приглашая садиться. – За три года работы ты не давал повода усомниться в твоей добросовестности. Нет ни одного замечания.

Медяков молчал, потому что первый говорил правду.

Инструктор любил партийную работу, постоянно находился с людьми, учился у них мудрости, набирался жизненного опыта,

но, как говорится, всему приходит конец.

– Твое решение окончательное или?..

Семен Петрович, не досказав, испытующе посмотрел на инструктора.

– Я благодарен вам за высокую оценку, но я хочу получить ваше согласие на мою отставку.

– Тогда считай, что согласие получено. Завтра соберем коллектив и вручим тебе грамоту.

Лев Павлович пошел к выходу. Открыл дверь и повернулся:

– Семен Петрович, я благодарен вам за квартиру.

– Ты ее заслужил, Лев Павлович. У нас немало случаев, когда проработает человек месяца три, получает квартиру и прощай. Ты же прошагал по дорогам района три года. Еще как прошагал! Как говорят, солдат на то и солдат. Солдат партии.

* * *

Лев Павлович вернулся к учительской работе. Работал учителем, директором школы. Воспитанию детей отдано сорок лет педагогического труда. Кавалер ордена Отечественной войны. Награжден медалями «За освобождение Варшавы», «За победу в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г.г.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Медалью Жукова». Живет в городе Барыше.

ФИЛИЦИТА

Прозвенел звонок на урок, и Филицита, заняв место за партой, оглянулась по сторонам. Успокоилась, когда убедилась, что на нее никто из парней не обращает внимания. «Слава богу, что никому не известно», – подумала она и аккуратно переписала с доски тему урока. А для беспокойства у нее был повод. За последнее время мальчишки просто озверели. Узнают, что провожал тебя кто-то из студентов пединститута или курсант училища связи, поднимают на смех, придумывают разные небылицы, а уж Ваня Данилин и Миша Орлов проявляют такое усердие, что уши вянут. Вчера с танцев провожал ее курсант военного училища. Зовут его Виталий. Он

ей симпатичен. Особенно нравятся глаза. Голубые, умные. Говорит серьезно, с тактом, не то что наши парни. Прощались они, как все, стандартно, если не считать одного момента. Но об этом лучше помолчать. Она провела языком по губам и совсем успокоилась. И вдруг вздрогнула, когда Петр Иванович прервал свой рассказ и внимательно посмотрел на нее. Он готов сделать ей замечание или еще хуже – прочитать мораль о том, как надо вести себя на уроке. Наконец-то его голос стал доходить до ее слуха, и она стала понимать смысл того, о чем рассказывает учитель. Она уставилась на него безразличным взглядом, дабы у него не было никакого сомнения в том, что она внимательно и старательно его слушает. И тут она вдруг почувствовала, как Маша Суркова, сидящая сзади нее, тычет рукой в бок. Филя вытянула правую руку назад, и Маша быстро подсунула в нее какую-то записку. Она долго держала ее в руке, а когда Петр Иванович отвлекся от ее персоны, незаметно развернула. На небольшом клочке бумаги четко было выедено: «Мне все известно! Аркадий». Лицо ее в этот миг напоминало цвет красной розы. Провела по щеке сначала правой рукой, потом левой и почувствовала, что горит она синим пламенем. Она боялась шевельнуться и думала, что на нее направлены десятки любопытных глаз. Ей вдруг захотелось оглянуться и посмотреть Аркадию в зрачки – что, мол, тебе известно. Но не решилась – это будет еще одним поводом раскрыть свою тайну. Аркадий слов на ветер не бросает и в отличие от некоторых мальчиков в любовных баталиях всегда занимает нейтралитет. Но к чему тогда эта записка? Пусть тебе известно, но ты молчи! Нет, тут что-то концы с концами не сходятся. Аркадий тоже, видимо, попал под чье-то влияние.

Филицита поймала момент и, открыв последнюю страницу тетради, крупными буквами вывела: «Аркадий, что тебе известно?». Не забыла поставить свое имя. И тут снова раздался голос педагога:

– Никитина, почему ты сегодня ведешь себя не так, как

всегда? Крутишься, вертишься, записки отправляешь, а сама покрылась розовым цветом.

Филя в этот момент готова была провалиться сквозь землю. Вполне возможно, что и Петру Ивановичу уже известно, как курсант военного училища вчера ее крепко прижал к груди и поцеловал. Иначе зачем ему обращать на нее столь пристальное внимание? Филя не знала, как ей поступать и глубоко вздохнула, когда прозвенел звонок. Она вихрем выскочила из класса и вернулась лишь тогда, когда начался урок математики. К ее удивлению, на парте лежала новая записка. Филя развернула ее и пробежала по буквам: «Мне известно, что ты вчера обыграла в шахматы Свету Ищерякову. Поздравляю! Аркадий».

Приближались государственные экзамены. Филицита усиленно готовилась. Она была кандидатом на диплом с отличием. Хотя, как говорят, любовь помогает учебе, ей показалось, что образ Виталия мешает ей сосредоточиться. Она старалась хотя бы на мгновение забыть его, но подходила суббота, и она кружилась в вихре танцев с курсантом военного училища, забыв, что через месяц начинаются самые серьезные испытания в ее жизни. Она совсем потеряла голову, когда Виталий на одном из вечеров заиграл на баяне. Она сидела рядом и с умилением смотрела, как его длинные пальцы бегают по клавишам, издавая изумительные мелодии. С тех пор ее не покидала мысль выйти замуж только за гармониста.

Первый экзамен она сдала на «отлично», а по математике ее ждала разочарование. Сон пропал, ночами потихоньку плакала, переживала так сильно, что нервы были на грани срыва. Иногда приходили дурные мысли, но от них она быстро освобождалась – в жизни надо быть готовой к любым испытаниям, а ты только начинаешь жить. Виталий брал большую часть вины на себя, успокаивал как мог, но она с его мнением не соглашалась. Любовь тут ни при чем, но почему по математике получила «хорошо», объяснить не могла. Может быть, оказалось слишком много кандидатов на красный диплом, возможно, она и вправду

не дотянула до нужной оценки. Но ей было обидно – за все годы не только по математике, но и по другим предметам были одни отличные отметки, а тут за десять минут решили судьбу человека. До слез обидно!

Когда началось распределение, Филицита попросила направление в институт. Отец Федор Артемьевич не сильно огорчился, что дочь лишилась красного диплома. «Уверен, ты поступишь в институт, – сказал он доверчиво дочери. – Знания у тебя крепкие, и ты докажешь, что достойна быть студенткой высшего учебного заведения». Дочь внимательно слушала отца, который работал директором школы и тоже в свое время окончил Яковлевскую школу. Он всю жизнь мечтал о том, когда из их династии выйдет человек с высшим образованием. Дочь была его надеждой.

Институт встретил ее шумной толпой абитуриентов. Филициту не пугало, что на каждое место филологического факультета претендует пять человек, но почему так сильно заболел зуб, не могла понять. Еще неделю назад он стал ее беспокоить, но обращаться к врачу она не думала – авось, пройдет. Но боль не утихала, а наоборот – усилилась. Нынче она достигла будто своего апогея – хоть на стенку полезай. Вчера она встретила Люсю Виноградову и Льва Медякова. Сдают на биологический. Веселые, уверенные в своих силах. Или ей показалось? Люся, увидев ее, осторожно спросила:

– Ты, случайно, не больна?

– Зуб побаливает, – ответила Филицита и положила ладонь на правую щеку.

– Надо срочно обратиться к врачу, – посоветовал Лев и сочувственно посмотрел на вчерашнюю сокурсницу. – Кому-кому, а мне известно, что испытывает человек, когда болит зуб. Белый свет не мил.

Предупреждение старшего товарища, кажется, подтверждается. Ночью Филицита не находила места, а сегодня постоянно стучит в висках, будто бьют по голове молотком. Боль стала невыносимой. Филицита пошла в общежитие, уложила

чемодан и отправилась на вокзал.

Федор Артемьевич встретил дочь сурово. Нет, не то слово. Он встретил ее с негодованием, враждебно.

– Видите ли, зуб разболелся! – кричал он на весь дом. – А судьба?! Да что там судьба! Честь династии задета!

– Не волнуйся, папа, – успокаивала его дочь. – Все встанет на свое место. Поступлю заочно, но высшее образование у твоей дочери обязательно будет.

– Ты меня не успокаивай, – не унимался отец. – Ты предала мои надежды! Я так верил в тебя, а ты...

Прошло немного времени, и разговор принял совсем другой оборот.

– Вот что, дочь. Ты дома не сиди. Ищи работу. Отец за тебя не будет хлопотать, а в моей школе места для тебя нет и не будет.

Мать не вмешивалась в их разговор, но сердцем чуяла – дочь не заслужила такого сурового наказания.

Прошли годы. Ушла в историю трудовая биография Филициты Федоровны, связанная с селом Ерилкино. Сорок лет отдано воспитанию нового человека, что само по себе является подвигом. Она не припоминает, чтобы кому-то когда-то жаловалась на плохую дисциплину школьников. Трудные ребята были, но она никогда не выгоняла их из класса, не ставила в угол, а когда приглашала их родителей в школу, говорила больше об их положительных качествах, тонко и умело советовала, как повлиять на сына или дочь.

С селом Ерилкино, притаившимся среди лесов, связана серьезная любовь, здесь родилась семья. А началось судьбы простое полотно обычно, не предвещающая никаких сюрпризов. Филицита Федоровна устроилась работать старшей пионервожатой в Стаосеменкинскую школу. Без помощи отца, конечно. Очень обрадовалась встрече со старыми подругами – в коллективе трудились недавние выпускницы Яковлевской школы Нина Павлова и Зоя Артемьева. Нина Ивановна слыла неунывающей, веселой девушкой, а Зоя Ивановна чуточку

смахивала на аристократку. Обе красивые, с чинной походкой. Идут по улице, а парни с них глаз не сводят.

От Семенкина до ее родного села почти двадцать километров. По пути встречается лишь одно село – Ерилкино. Кончается неделя, молодая учительница садится на велосипед и мчится к родным пенатам. Вот и зима пришла. Филицита Федоровна становится на лыжи и за несколько часов укрощает это расстояние. Лыжница она отменная, выступала даже в составе сборной команды училища. Однажды к ней пристраивается учитель физкультуры Вадим Иванович Васильев.

– Ты куда? – спрашивает его учительница.

– В Ерилкино, – отвечает физрук и начинает прокладывать лыжню меж сосен и берез.

– А я и не знала, что ты оттуда.

– Теперь будешь знать.

Красив зимний лес. Тишина. Вспорхнет птица – с дерева рассыпаются серебристые снежинки. Дышится легко и свободно.

– Ну вот, я и дома, – останавливается Вадим Иванович около пятистенного дома. – Может, зайдешь? Чайком угощу.

– О, нет, – отвечает ему Филицита. – Мне до темноты надо добраться до дома.

На обратном пути, в воскресенье, в Ерилкине к ней снова присоединяется Вадим Иванович, и они скользят по истоптанному маршруту обратно до Семенкина.

– Не устала?

– Нет. Я спортсменка, хотя не такая сильная, как ты.

– Я-то что. Вот мой брательник – настоящий лыжник. Учится в десятом классе, а имеет уже первый спортивный разряд. Чемпион района!

– Чем еще знаменит твой брательник?

– Играет на баяне. Еще как играет!

В следующую субботу на маршрут вышли в обычное время. Погода чудесная. Солнечные лучи пронизывают сквозь чащу

деревьев и ослепляют глаза. Снег хрупкий, и лыжи катятся как по маслу. Вдруг через час все изменилось. Небо покрылось тучами, и ветки деревьев зашумели от порыва ветра. Вышли на поляну. Отсюда начинается затяжной спуск. Но ветер усиливается. Мелкие снежные зерна ударяют в лицо. Вот и пятистенный дом.

– Ты должна у нас переночевать! – раздается голос, не терпящий возражения.

– Нет! – кричит учительница. – Меня ждут дома!

– Я за тебя отвечаю! – орет во весь голос учитель физкультуры.

– Я сама за себя отвечаю! – уносит голос Филициты ураганный ветер, и снежная буря тут же заметает лыжные следы.

Вошла в лес. Тихо. Только ветер свистит на верхушках голых деревьев. Лес скоро кончится, и перед ее взором откроется равнина. Три километра – не расстояние, вытянет. Но что такое? Лес все не кончается. Неужели заблудилась? Не может быть! Дорогу она знает как свои пять пальцев. Вот и степь. Теперь до села рукой подать.

Но Филициту обманула интуиция. Черная мгла легла на землю, и лишь отблеск снега позволяет нащупывать дорогу. Скоро она совсем потеряла ориентир и шла, натываясь на кусты, падая и погружаясь по колено в рыхлый снег. Резкий ветер бесцеремонно залезал под пальто, хлестал по лицу. Снежные хлопья стали падать так густо, что перед спутницей образовалась белая завеса. Ураган становился все яростнее, и Филицита поняла, что вряд ли хватит сил, чтобы выбраться из этой кутерьмы.

Прошел час, а может быть, и больше – человек в беде не замечает времени. Силы на исходе. Она пожалела, что не согласилась на настойчивую просьбу учителя физкультуры. Как приятно в такую погоду сидеть в теплой избушке и пить горячего чая. Еще лучше, если затоплена русская печь. «Какая же я дура», – еле выговорила она, проявив впервые, может быть, в жизни отчаянное чувство, которое посещает человека в минуты безысходности.

Силы ее покинули окончательно, и Филицита в который уже раз сваливается в сугроб. Она спрятала лицо в воротник и тут же высунула. Нет, ей не показалось и это вовсе не сон – сквозь чащу леса до нее доносится запах ржаного хлеба. Она повернула голову против ветра. Значит, где-то недалеко находится деревня. От знакомого запаха она испытывала приятное ощущение, и веки ее постепенно смыкали глаза. Нет, она не сопротивлялась, не делала усилий, чтоб встать и идти навстречу ветру. Ей даже не холодно. Она вся во власти судьбы. В голову лезут всякие воспоминания, но память не в состоянии выбрать самое приятное. Запах ржаного хлеба снова ударил в нос, и перед ее глазами неожиданно возник образ учителя географии и классного руководителя Ильи Николаевича Николаева. Девочки закончили утренний туалет, а до начала занятий оставалось еще минут сорок. Одни сели за стол, чтобы лучше подготовиться к урокам, другие пили на тумбочках чай, третьи не отходили от зеркала. Стук в дверь ни для кого не стал неожиданностью – учителя часто приходили до начала занятий и помогали студентам в подготовке к урокам. Говорят, жена директора Любовь Александровна Якимушкина проводила даже специальные получасовые уроки. На сей раз в комнату вошел Илья Николаевич. Он был уже в преклонном возрасте. Продолговатое лицо, очки в черной оправе и длинное пальто придавали его фигуре статус священника. Его появлению в училище в качестве учителя предшествовала встреча с самим Иваном Яковлевым. Еще в дореволюционное время инспектор народных училищ посетил село, где трудился молодой учитель. Ивану Яковлевичу особенно понравился пришкольный участок, чистота и порядок на территории. Кругом цвели цветы.

– Как фамилия учителя? – спросил инспектор директора школы.

– Николаев Илья Николаевич, – последовал ответ, и Иван Яковлевич попросился к нему на урок.

Беседа оставила в душе молодого педагога неизгладимое чувство. На прощанье инспектор сказал:

– Вам, Илья Николаевич, обязательно нужно работать в моей школе.

– Я постараюсь выполнить ваш совет, Иван Яковлевич.

Шли годы, Илья Николаевич прошел большую школу политработников в воинских частях, был преподавателем военных училищ и, когда пришло время, вспомнил о приглашении народного просветителя.

Таков вот небольшой сюжет из его жизни, но сегодня Илья Николаевич пришел к студентам для того, чтобы лучше узнать их жизнь.

– Как хорошо, что вы пришли, – обрадовалась Маша Суркова и кинулась к нему с учебником в руке. – Илья Николаевич, я очень прошу, спросите на уроке меня. Я так хорошо подготовилась, что вы будете довольны.

Опытный педагог улыбнулся и сел за стол, стоявший в середине комнаты.

– Ты у меня и так на каждом уроке отвечаешь, а вот...

И тут взгляд учителя застрял на деревянном подносе, на котором лежало несколько кусков ржаного хлеба. Илья Николаевич долго не смог вымолвить слово. Видимо, в его душе столкнулись два чувства, но в конце концов он все же одолел робость и спросил:

– Можно, девочки, попробую один кусок?

Девочки гурьбой окружили педагога.

– Конечно, Илья Николаевич, можно, – пуще прежнего обрадовалась Маша Суркова. – Ешьте, пожалуйста. Это моя мама только вчера привезла.

Она кинулась к окну, достала оттуда кусок сала, сметаны и поставила на стол.

– Нет-нет, – извинительно произнес Илья Николаевич, – попробую только хлеба. Давно не ел. Мать наша каждую неделю пекла ржаного хлеба, и мы с нетерпением ждали, когда она вынет его из печи.

Он взял кусок с корочкой, насыпал немного соли и положил в рот.

– Какой изумительный запах, – произнес он тихо.

«Какой изумительный запах», – произнесла тихо Филицита и повернула голову в сторону села. Приложила последние усилия, встала и тут же качнулась в другую сторону. В это время чья-то сильная рука подхватила ее за талию. Филицита направила на него безразличный взгляд.

– Кто ты, мил человек? – спросила она обессиленным голосом и потеряла сознание.

Очнулась она в небольшой комнате. У широкой кровати, улыбаясь, стоял Вадим Иванович и держал в руке бокал с горячим чаем.

– Но человек, который спас меня, был не ты, – еле выдавила из себя Филицита, и в глазах ее появились слезы.

– Это был мой брательник. Коля.

Из соседней комнаты до ее слуха доходила задушевная мелодия. Коля Васильев играл на баяне старинный вальс «Амурские волны».

ВУНДЕРКИНД

Иван Андреевич относился к категории педагогов, которые слегка подтрунивали над студентами. Злого умысла он не имел, но всегда старался незаметными штрихами подчеркивать свое превосходство. Над чувашскими несмышленишами делать это было совсем не трудно, но их любопытные глаза часто заставляли опытного учителя задуматься над поведением. Говорил он глуховатым и ровным голосом. Фигура солидная. Лысый. Вылитый Котовский.

Особенно любил задавать вопросы, уверенный, что на них никто не ответит. И в то же время понимал – нестандартные ситуации, в которых изобилует множество подходов и способов привлечения внимания студентов, запомнятся им на всю жизнь. Главное, они помогают легко и непринужденно усваивать материал. И на сей раз он подготовил головоломку, думая, что вряд ли найдется студент или студентка, кому

будет под силу ее разгадать. Вошел в класс, прошел к своему рабочему месту, но вместо того чтобы садиться, поднял стул и поставил его на дубовый стол. Проверил, крепко ли он стоит, и поманил к себе Володю Тухтаманова.

Студент с густыми волосами и пытливым взглядом сначала посмотрел налево, потом – направо, пока не убедился, что указательный палец учителя направлен на него. Для пущей важности все же спросил:

– Вы это мне, Иван Андреевич?

– Тебе, голубчик, тебе.

Володя быстро подошел к столу, и учитель, обхватив его за талию, легко поднял на стол.

– Садись, – произнес он ровным тоном.

Класс, затаив дыхание, следил за сценарием. Володя сел на стул профилем к студентам, чуть вытянул ноги вперед и положил руки на колени. Лицо чуточку зарумянилось, а сердце учащенно стучало в груди. «Урок физики, а занимается фокусами», – подумал он и вздрогнул.

– Встать! – крикнул Иван Андреевич и тут же рассмеялся, увидев, как Володя подобрал ноги под стул и молодежато поднялся. – О, нет! Ноги не следует убирать. Попробуй снова принять прежнюю позу и... встать.

Володя поставил ноги строго вертикально и силился оторваться от табурета, но тщетно. Иван Андреевич стоял и улыбался.

– Не получается, Иван Андреевич, – отчеканил наконец студент, исчерпав все способы, которые могли бы помочь ему выполнить требования педагога.

– А почему не получается? – протяжно задал он вопрос и снова улыбнулся.

Класс молчал, а Иван Андреевич многозначительно и довольный собой смотрел то на девочек, то на мальчиков, которые сидели на задних партах.

– Можно я попробую ответить? – повернул Володя голову в сторону педагога и сдвинул табурет, издав глухой скрип.

– Пожалуйста, коль ты такой смелый,– произнес учитель, не изменив выражения лица.

– Мне кажется,– замешкался с ответом Володя, глядя на педагога, и неуверенно ответил,– тяжесть не туда падает.

– Как не туда? Туда, голубчик, туда падает.

– Вернее,– тут же исправился студент, не то поняв ошибку, не то машинально,– тяжесть - то падает туда, а вот опора для нее находится не там.

Иван Андреевич сделал большие глаза, в которых можно было прочесть и удивление, и радость. Он посмотрел на Володю, а потом на класс, и улыбка исчезла с его лица. Пауза затянулась.

– А ведь голубчик мыслит правильно,– произнес наконец учитель и продолжил: – Может быть, голубчик начертит на доске схему, чтобы мы поняли его мысли.

Володя молодцевато соскочил со стола, взял мел и линиями начертил позу человека, сидящего на стуле. Пунктирами провел прямую линию от центра табурета вниз до уровня ног, которые находились впереди табурета.

– Как видите, мое тело не имело опоры, и потому я не мог вставать.

Он «согнул» ноги человека так, что линия пересекла в том месте, куда падала тяжесть туловища. Поставил на месте пересечения большую точку и вопросительно посмотрел на педагога.

Иван Андреевич стоял в оцепенении.

– Молодец! – произнес он наконец с пафосом и тут же добавил.– Речь, правда, идет не вообще о тяжести, а о центре тяжести, который находится внутри нашего тела.

Он подошел к Володе и ткнул указательным пальцем чуть - чуть выше пупка: «Вот тут, примерно».

С тех пор Володя Тухтаманов стал любимым учеником Ивана Андреевича. Он сделал его общественным лаборантом, доверял все приборы, и Володя целыми днями не выходил из

физического кабинета. О нем ходили легенды.

Во время перерыва Иван Андреевич часто выходил в коридор или даже на улицу и находился среди студентов. Он не курил, но общаться со студентами в непринужденной обстановке любил.

Однажды по коридору вихрем промчался Володя, и Иван Андреевич, глядя ему вслед, промолвил:

– Мал золотник, да дорог. Умница!

Юра Маленков тут же бросил реплику:

– Все маленькие бывают умными.

Иван Андреевич с присущим ему юмором на это среагировал:

– Выходит, по-твоему, я болван.?

Юра не растерялся.

– Да что вы, Иван Андреевич! Вы – исключение из общего правила.

Миша Орлов как-то заметил, что Володя, когда они отправлялись на родину, перестал покупать билеты. Все идут к железнодорожной кассе, а у Володи в этот момент всегда найдется причина отлучиться. Друг никогда, может быть, не узнал этой тайны, если бы не один случай.

– Володя, одолжи мне чистую тетрадь, – попросил Миша, когда они были в комнате вдвоем.

– Открой тумбочку и бери, – ответил Володя безразличным тоном и продолжал чертить какие-то схемы.

Миша выдвинул ящичек, взял тетрадь, сел за стол и, открыв обложку, застыл – в тетради лежало несколько чистых железнодорожных билетов.

– Володя! Скажи, откуда у тебя чистые железно...

Володя вскочил со стула, подошел к другу и, взяв билеты в руки, быстро сунул их в карман. Потом стал кружиться за спиной Миши, причитая: «Чистые, чистые, чистые».

На второй день по всему классу прошел слух, будто Володя Тухтаманов изобрел химический раствор, который начисто стирает чернильные пятна. Девочки окружили его в

тот момент, когда он только-только вошел в класс. Просили, умоляли, требовали, чтобы он показал им свое изобретение. Их можно понять – у многих на платьях чернильные кляксы. Миша сначала невдомек, а потом понял, что друг его давно пользуется поддельными билетами. В те времена в кассах вокзала не было никакой аппаратуры – билеты заполнялись чернилами. Имея нужный раствор, не стоило большого труда стереть число и проставить нужную дату. У Миши перед глазами возник эпизод, когда кондуктор долго вертел в руке железнодорожный билет. Возвращая его хозяину, подозрительно посмотрел на него. Молодой человек спокойно сидел у окна и беззаботно жевал хлебную корочку. Это был студент Володя Тухтаманов.

Еще студентом пединститута Володя стал членом общества «Знание». Первую путевку получил в Чердаклинский район.

– Поедешь в село Помряскино, – сказали ему в райкоме. – Спецмашины нет. Сейчас подбросят на спиртзавод, а там с утра стоят бардовозы.

Володя прилег за железной бочкой и сунул ноги в солому. Снег под санями хрустел, но не мешал молодому лектору думать.

– Не холодно? – крикнул возчик, когда проехали километров пять, и дернул за вожжи. Лошадь ускорила бег.

– Ничуть! Далеко еще?

– Небольшой подъем, и мы будем дома!

«Дома», – улыбнулся спутник и поднял голову на небо, устланное яркими звездами.

Сельский клуб полон народу.

– Гвай. Председатель местной организации общества «Знание», – представился высокий мужчина лет пятидесяти и, протянув руку, добавил. – Директор школы.

– Очень приятно. Тухтаманов Владимир Севостьянович..

Лекция длилась почти час, и молодой лектор по глазам

присутствующих чувствовал, что сумел вызвать и поддержать интерес у своих первых слушателей.

– Кажется, я вас переутомил, – закончил он последнюю фразу, и несколько человек хлынули к нему на сцену.

– Товарищи! Товарищи! – успокаивал их Гвай, когда вопросы посыпались как из рога изобилия и лектор еле успевал на них отвечать. – Человек с дороги, устал и ему следует отдохнуть.

Директор школы пригласил его домой переночевать, чему молодой лектор был рад. Бывают в жизни люди, которые, как магнит, притягивают к себе. Тогда Володя еще не мог оценить силу влияния и талант этого человека, но нутром почувствовал, что у него не только богатая, но и сложная биография.

Не успели сесть за стол, как постучали в дверь. Вошла молодая женщина. В длинной цигейке и в валенках. В глазах испуг. Поздоровались.

– У нас беда, – сказала она слегка возбужденно. – Заболел физик. Увезли на скорой помощи. Я должна вас поставить в известность, что...

– Завуч школы Мария Петровна, – не дал высказаться директор и добавил. – А это молодой лектор.

Володя встал и поклонился.

– Очень приятно.

– Надо же, – задумался Гвай. – Второй учитель заболел. Сколько у него завтра уроков?

– Три, Василий Петрович.

– Поставьте мои уроки. Придется отложить поездку.

Гвай еще что-то хотел добавить, но передумал. Он машинально посмотрел на молодого лектора, и у Володи екнуло сердце.

– Не надо отменить поездку, – сказал он тихо, но твердо. – Если доверяете, то позвольте мне провести уроки

Прошел месяц, и Володю вдруг вызывают к ректору.

Вошел. Поздоровались.

– Вот, приехали за тобой, – сказал ректор, и студент заметил Василия Петровича Гвая, сидевшего за длинным столом.

Студент застыл на месте и еле выдавил:

– За мной? Что случилось?

– Физика в школе не ведется. Учителю сделали операцию, и он, кажется, надолго вышел из строя. Во всяком случае, врачи не обнадеживают.

Голос директора звучит просительно, с надеждой, что студент поймет положение и ответится положительно.

– Но у меня скоро экзамены.

– Не беспокойся, – вмешивается в разговор ректор. – Условия для сдачи экзаменов будут созданы.

Володя пожал плечами. Штрих, еще в студенческие годы вошедший в привычку и отражающий его поведенческое кредо – я не согласен, но я в вашей власти.

– Студент Тухтаманов, задержись, пожалуйста, на минутку, – произнес ректор, когда Гвай вышел из кабинета.

– Слушаю, Василий Васильевич.

– Садись, пожалуйста.

Ректор прошелся по кабинету, посмотрел на студента, но почему-то молчал.

– Я вас слушаю, Василий Васильевич.

Володей вдруг овладело чувство беспокойства и нетерпения.

– Гвай Василий Петрович – мой старинный друг. Вместе начинали трудовую жизнь. Но так уж случилось, что ему пришлось пройти сквозь серьезные испытания. Почти двадцать лет ссылки, но остался человеком. К его чести, никогда не терял силу духа и не жаловался. Главное, не имеет на советскую власть обиды.

Володе показалось, что он перестал дышать.

Ректор еще долго рассказывал о жизненном пути Гвая, о тех невероятных трудностях, которые ему пришлось преодолеть. В

конце беседы он сказал:

— Рассказываю я о нем потому, чтобы ты знал, с каким человеком ты имеешь дело. Постарайся его если не уважать, то хотя бы понять.

— Спасибо за справку,— ответил задумчиво студент и покинул кабинет ректора.

Село Помряскино стало началом трудовой биографии для Владимира Тухтаманова. Скоро Гвай уехал к сыну на Украину, а в районо оставил короткую записку: «Я подготовил надежного и умного директора. Уезжаю отсюда с чувством исполненного долга. Не сомневаюсь, что он оправдает мое доверие. Гвай».

Четырнадцать лет проработал он директором школы. Как талантливого организатора, ему предложили возглавить отдел пропаганды и агитации райкома партии, а семь лет спустя Владимир Тухтаманов стал редактором Старомайнской районной газеты «Ленинская искра» и членом Союза журналистов СССР.

ПАРЕНЬ ИЗ ИЛИМА

Ректор института был человеком мудрым и опытным. Людей изучал лично, хотя в учет брал и анкетные характеристики, и советы коллег. Были, безусловно, свои критерии оценки, которые вырабатывал годами. И не было человека, в котором он когда-либо ошибался. Был уверен и на сей раз — лучшей кандидатуры на должность заведующего кафедрой нельзя и придумать. Скромн, прекрасный специалист, рассудителен, никогда не повышает голоса, правильно воспринимает критику, доказывает свою правоту не спеша, мыслит логично и масштабно, ни на что не претендует. Правда, последнее качество его настораживало. Не может правильный человек жить без просьб и претензий. Как говорится, плох тот солдат, который не мечтает о лампадах.

С такими мыслями он вызвал на беседу Штурмина. Вошел

в кабинет ректора Николай Евгеньевич настороженно, с какой-то опаской. Не любил он встречаться с начальством. Без причин они не приглашают. Хотя за рядовым преподавателем не было никакой вины, чувствовал себя не совсем уютно — мало ли что могло произойти. Кляузников в любом коллективе достаточно, а тут вон какая армия педагогов.

— Вызывали, Василий Васильевич? — спросил Штурмин, когда перешагнул порог кабинета.

— Вызывал, Николай Евгеньевич, вызывал, — широко улыбаясь двинулся навстречу ему ректор.

Поздоровались за руку, и Наймушин пригласил его занять место за широким столом, а сам сел напротив. Штрих, на первый взгляд, незначительный, но он вызвал в душе молодого ученого замешательство. Значит, разговор предстоит серьезный. Ректор тут же встал, подошел к рабочему столу и нажал на кнопку. Вошла секретарша.

— Слушаю, Василий Васильевич.

— Пожалуйста, два кофе. И пока ко мне никого не пускайте.

Наймушин немного задержался у стола и вернулся на прежнее место.

— Не курите?

— Нет.

— И правильно делаете. Я вот не могу отвыкнуть. Сколько раз пытался бросить, а силы воли не хватает.

Он положил перед собой пачку сигарет. Николаю Евгеньевичу показалось, что ректор обдумывает начало разговора. Наконец он погладил пушистую бороду и последовательно выложил все, что входило в его программу. К удивлению его, он тут же получил исчерпывающий ответ.

— Спасибо за предложение, — сказал Николай Евгеньевич откровенно, — но я не могу дать согласие. Я не имею качеств, которыми должен обладать начальник. Рожден что ли без привычек на высокие посты.

— Какой же это высокий пост, Николай Евгеньевич? Если

бы вам предложили место члена-корреспондента или профессора...

— Все начинается с малого в жизни. Я добился главного — стал кандидатом наук, а на большее не рассчитываю.

Ректор слушал его внимательно, и ему понравилось, что молодой ученый проявляет солидную скромность. Сейчас он скажет такую фразу, и дело будет выиграно.

— Ваша кандидатура обсуждена во всех инстанциях, и обсуждение наше — это лишь небольшая формальность.

Наступила пауза. Ректор ждал положительной реакции.

— Напрасно вы считаете дело решенным. Мой ответ дискуссии не подлежит.

Наймушин сделал широкие глаза:

— Даже так?!

— Только так, Василий Васильевич. К тому же вы должны иметь в виду, что я не состою в партии.

— Это не проблема, — быстро среагировал ректор на ситуацию. — Вопрос согласован, и скоро вы вольетесь в ряды нашей партии.

— Я не хочу стать членом партии.

Категоричный ответ обескуражил человека, чья жизнь прошла в среде единомышленников. В глазах его удивление.

— Не разделяете ее программу?

— О, нет! Просто не хочу связывать себя дополнительными заботами.

Снова наступила пауза. У ректора в заказнике остался еще один, может быть, самый серьезный довод, который не может не повлиять на человека, если он в своем разуме. Василий Васильевич его выложит и...

— Скажите, Николай Евгеньевич, каковы ваши жилищные условия?

— В однокомнатной квартире проживает семья из четырех человек.

Он хотел добавить, что кроме жены и маленькой дочери, в

углу ютится его теща, заслуженная учительница, которая вот уже второй год лежит без движения. Хотел, но не сказал.

— Вот видишь, Николай Евгеньевич, в какой тесноте ютится ваша семья. Пойдешь на повышение — получишь трехкомнатную квартиру. Вопрос, кстати, тоже решен положительно.

— Я доволен своими жилищными условиями.

Ответ окончательно вывел ректора из равновесия.

Николай не помнит, когда началось становление его характера. Может быть, в училище, а, может быть, еще в семье, где главным средством воспитания был труд. Правда, на стене всегда висел отцовский ремень, на который дети поглядывали с опаской, но отец редко прибегал к позиции силы — дети росли трудолюбивыми и послушными. Авторитет Евгения Степановича был непререкаем.

Село Илим Гора (Красивая Гора) действительно оправдывает свое название. Расположено оно у подножия горы, где выбивается родник — святая вода. Сельчане бережно охраняют это священное место, превратили его в своего рода в заповедник. Может быть, это обстоятельство сыграло не последнюю роль в становлении характера илимских парней и девочек, которые учились в Яковлевской школе. Евгений Маленков, Федя Никифоров, Ваня Данилов, Юра Маленков и его сестра Лена, Лидия Галахова, Саша Данилов и его сестра Лида, Тоня Изъявлева, Женя Штурмина, Люда Андреева — все вели себя скромно и корректно, были жадны до знаний, влюблялись серьезно и надолго. И среди них — Коля Штурмин, который считает, что возмужание для него и его друзей началось с дороги. Чтобы попасть на родину Ленина, им приходилось проделывать свыше трехсот километров. До Кузнецка добирались пешком. Закидываешь за спину холщевый мешок и за день прошагаешь почти пятьдесят верст. От Кузнецка до Сызрани — поездом. Пассажирским или товарным — какой подвернется. В Сызрани пересадка. Снова стук колес — и в

зимнюю стужу, и в весеннюю слякоть. Иногда зуб на зуб не попадает, а идти надо. Дорога — это тоже школа. Школа мужества.

Сокурсники помнят его статным парнем с пышной шевелюрой и правильными чертами лица. Изваян будто из мрамора. Но девки не успели в него влюбиться. Еще на первом курсе его познакомили с девушкой, которая стала потом главной опорой и надеждой на долгом жизненном пути.

Галя Романова училась в Староалгашинской школе. Красавица. Когда улыбается, на щеках появляются глубокие ямочки, в которых можно утонуть. Но всего этого молодой студент еще не знал, когда впервые в жизни сел писать любовное письмо. Вложил туда не только то, что было в голове, но и то, что накопилось в душе, а в конце добавил: “Если можно, не забудьте вложить свою фотокарточку”. Она действительно вложила в письмецо фотокарточку, но Коля никак не мог понять, кто там изображен: на переднем плане белая береза, а в глубине — девичий силуэт. Но он мало вглядывался в снимок, главное — содержимое в письме. “Такое письмо не может сочинить девушка, у которой каменное сердце”, — твердил он себе и, взяв в руку перо, долго думал над ответным посланием.

Их первая встреча состоялась на следующий год — Галя после окончания семилетки тоже поступила в Яковлевскую школу. Еще в училище сыграли свадьбу. Однажды Галя просматривала альбом и, увидев фотокарточку, рассмеялась.

— Что случилось? — насторожился Коля и вопросительно посмотрел на молодую супругу.

— Видишь снимок, который я тебе когда-то подарила?

— Не только вижу, но и храню, как самую дорогую реликвию, — отчеканил Коля.

— Так это же не я, а моя подруга, — влезли еще глубже на ее щеках ямочки.

Коля не растерялся и вполне серьезно произнес:

— Ну и что же, я все равно в него почти не заглядывал, а больше читал твои письма.

Яковлевскую школу он окончил с отличием и поступил учиться в институт. Но до этого были четыре долгих, в то же время коротких года, которые пролетели, как птицы. Жили в общежитии, в подвальном помещении. Сами топили, мыли полы, а за водой ходили за пределы территории. К занятиям готовились в классных комнатах. Воспитанники училища считают, что им повезло на педагогов, которые отличались высокой культурой, учили жить и бороться, прививали высокие моральные качества. Но Николаю всегда везло на хороших людей. Во всяком случае он так считает. Мне кажется, на хороших людей ему везло потому, что он сам всегда хорош. Были прекрасные родители, примерные братья и сестры, он обожал тестя и тещу, которые всю жизнь проработали на ниве народного просвещения. “Были истинными коммунистами, — вспоминает Николай Евгеньевич. — Если бы все коммунисты были такими, как они, мы давно жили бы в коммунизме”. Сам не разделяет взгляды коммунистов и считает себя социал-демократом. Ну что ж, от социал-демократа до коммуниста — один шаг.

Но больше всего ему повезло в жизни на подругу. “В моем становлении как человека и как ученого главную роль сыграла моя жена”, — говорит он, и сомневаться в этом никому не приходится. Медовый месяц провели в путешествии. Плыли по Волге и Каме. Одна каюта для двух влюбленных сердец и неопишуемая красота природы. Небо ночью покрывалось бездной звезд, а днем нещадно палило солнце. Им казалось, что счастливее их на свете больше никого нет. Оно так и было. Отдыхали на Среднем Урале у дяди. Дремучие леса и чистые, как родники, реки покорили их сердца, и они решили, что непременно будут жить в этих краях.

Позади институт, начало трудовой биографии. Николай усиленно готовится к поступлению в аспирантуру. Любил историю, но возможности для защиты диссертации были ничтожно малы. Избрал лингвистику. Самостоятельно изучил английский язык. Первая попытка и первая удача! Николай Штурмин — аспирант Куйбышевского педагогического

института. Прошло два года, и, успешно защитив диссертацию, становится кандидатом наук. Направление получил в Магнитогорск. Восемь лет преподавал в институте, но душа рвалась к родным берегам. Вернулись в Ульяновск. Получили небольшую квартиру. Жизнь шла своим чередом.

В институте не могли не заметить его обширных знаний и организаторских способностей. Не раз предлагали командирское кресло, но Николай Евгеньевич вежливо отказывался. Галина охотно с ним соглашалась. Но в душе, как говорил поэт, Коля Штурмин не был равнодушен к перемене мест, к полету мысли, творческому поиску. Предложили поездку в Польшу — согласился без слов. Считает польский период самой лучшей частью своей жизни. Был простор для творчества, прекрасные условия, верные друзья.

Возвращение на родину совпало с августовскими событиями 1991 года, но они мало повлияли на его жизнь. Из прошлой истории он многие вещи не разделял — было немало несправедливости, но и новые принципы его не удовлетворяют.

В жизни он всего добивался своим трудом. Он не знает, как делается по благу. Никогда не кичился своим званием и своим положением. Лишен зазнайства и высокомерия. Общителен. Ценит дружбу. Как говорил наш великий писатель и гуманист: “Прост, как правда”.

НЕОБЫЧНЫЙ ПЕДСОВЕТ

Галина Николаевна спустилась с пятого этажа и, выйдя на улицу, села на скамейку. Так бывало и раньше, когда она ждала здесь своего супруга, который всегда говорил: “Ты, Галя, подожди меня внизу, я скоро соберусь”. Вениамин Васильевич не то с привычки, не то по характеру был таким, но он любил, чтобы супруга его ждала. В последние годы болезнь здорово его подкосила. Ноги перестали слушаться, а головной мозг усиленно стучал, и врачи рекомендовали ему не ходить одному. Но Вениамин Васильевич и тут проявлял характер — не может он иметь при себе слугу. Галина Николаевна находила десятки

причин, чтобы находиться рядом с ним, но никогда не давала повода усомниться, что делает она это не по просьбе лечащего врача.

Она машинально посмотрела вверх, и сердце защемило — почти уже год, как ушел из жизни Вениамин Васильевич, а ей кажется, что вот-вот он появится на лестничной площадке, которая хорошо видна в проеме больших окон. С Волги подул холодный ветер. Галина Николаевна машинально повернула голову и остановила взор на березе, с которой срывались желтые листья и подлетали к ее ногам. “Боже мой,— подумала она, — как я могла забыть, что березе этой скоро исполнится двадцать лет”.

И она стала вспоминать во всех подробностях, как Вениамин Васильевич откуда-то приволок маленький саженец и предложил ей посадить в честь ее дня рождения. “Это мой тебе подарок, — сказал он серьезно, когда положил последний дерн. — Пусть береза напоминает тебе...” “Да что ты, Вениамин, опомнись, что ты мелешь”. “Извини, не то хотел сказать”.

Галина Николаевна быстро встала, и почти побежала к березе. Подошла, обняла двумя руками и склонила голову: “Это ты извини меня, мой дорогой и незабвенный”. Ветер словно понял душу женщины и притих. “Ты, конечно, знаешь, береза, что творится в моем сердце. Оно так сильно стучит, что не дает мне собраться с мыслями”. Ветер снова каскадом пронесся над головой, и листья стали кружиться в воздухе. “Значит, понимаешь. Я приглашена сегодня на необычное совещание, которое проводит сам Иван Яковлевич”.

Галина Николаевна вынула из черной сумочки пригласительный билет. “Уважаемая Галина Николаевна! — прочитала она первую строчку и задумалась. — Приглашаю вас на большой педсовет, который состоится 24 августа... года в 10 часов утра в актовом зале училища. И. Я. Яковлев”.

Надо же — не забыл. Однако ж, в качестве кого ей суждено присутствовать? Вдруг из его уст прозвучит какой-нибудь вопрос или — еще хуже — если придется держать ответ? Но краснеть ей не придется. На совете наверняка будет присутствовать Петр

Михайлович Якимушкин, который в обиду ее не даст. “Пожелай мне, береза, удачу”. Ветер в третий раз поднялся над волжской кручей и неистово стал качать березу.

Она зашла в зал незаметно и села в третьем ряду.

Оглянулась по сторонам — знакомых лиц не видно. И тут она заметила, что президиум почти в полном составе, а Иван Яковлевич в правой руке держит лист бумаги и внимательно смотрит на аудиторию. Лишь рядом с ним пустоует место. “Кто-то опаздывает”, — подумала Галина Николаевна.

— Дорогие мои соплеменники! — начал Иван Яковлевич тихо, и зал замер. — Собрал я вас не для того, чтобы учить уму-разуму. Скажу откровенно — вы превзошли все мои ожидания. Я горд, что мои последователи все эти годы высоко несли знамя, которое мы подняли. В первую очередь я хочу выразить слова признательности директорам училища. У меня никогда не возникало сомнения в их искренности служить чувашскому народу до тех пор, пока этот пост не занял Якимушкин.

Иван Яковлевич посмотрел на свободное место и выпалил:

— Петр Михайлович, почему вы там сидите? Прошу, дорогой мой, занять то место, которое уготовано для вас историей. Вот здесь, рядом со мной.

Сердце Галины Николаевны учащенно забилось. Узнает или нет? Петр Михайлович прошел по проходу, молодецкато поднялся по ступенькам и, заняв место, стал взглядом кого-то искать. Наконец-то увидел Галину Николаевну, чуть приподнялся и, отвесив поклон, удобно расположился рядом с Иваном Яковлевичем.

— Кому вы оказываете почтение, Петр Михайлович? — улыбнулся Яковлев и посмотрел на соседа.

Якимушкин наклонился и что-то шепнул ему на ухо. Тот утвердительно кивнул головой и обратился к залу:

— Знаю я эту удивительную женщину, — широко улыбнулся патриарх и тоже отвесил поклон Галине Николаевне, вызвав смятение в ее душе. — И пригласил ее сюда неспроста. Являясь русской, она вносит столько труда и энергии в развитие

чувашской культуры, что может позавидовать любая чувашка.

Галина Николаевна сидела и краснела. Краснела и удивлялась — учитель учителей знает во всех деталях, чем она жила все эти годы, чем было наполнено ее творчество.

— После смерти мужа она еще больше чувствует ответственность, — продолжил Яковлев. — Как здорово назвала она воспитанников училища на встрече, которых учила в далекие годы. “Дорогие коллеги! Дорогие соратники!”, а не сказала: “Мои дорогие студенты!”

Иван Яковлевич выдержал небольшую паузу, налил в граненый стакан водички, сделал глоток и продолжил:

— Ну а дальше Галина Николаевна, как мне кажется, чуточку перегнула палочку.

Зал насторожился.

— Она поставила чувашскую нацию выше русской. Думаю, что тут она не совсем права. Вернее будет сказано, тут она совсем не права.

Галине Николаевне показалось, что стул из-под нее куда-то ускользает. Она пощупала щеки — горят. Посмотрела на Якимушкина, который понял, что должен сказать слово.

— Можно, Иван Яковлевич, бросить реплику?

— Конечно, Петр Михайлович.

— Когда представитель одной нации хвалит другую, большой беды, думаю, нет. Когда сами себя безмерно возвышают — есть над чем задуматься.

— Согласен, Петр Михайлович. Тут я должен продолжить мысль, с которой начал наше совещание. Когда стал директором училища Якимушкин, я насторожился. К руководству пришел русский человек. Как он поймет душу чувашской нации? Сомнений было много, но все мои опасения оказались напрасными. Он выдержал испытание временем. Спасибо тебе, Петр Михайлович!

Иван Яковлевич пожал ему руку, а у Галины Николаевны появилась особая гордость: “Я же говорила, что Петр Михайлович — достойный преемник чувашского патриарха и он

оправдает доверие". Она еще раз посмотрела на Ивана Яковлевича, на Петра Михайловича и удивилась — какие они молодые и энергичные! Быстро вынула зеркало из сумочки и взглянула на себя — Боже мой, она вернулась в те годы, когда в первый раз переступила порог педагогического училища. Значит, где-то тут, видимо, сидит и Вениамин!

Но мысли ее нарушил Иван Яковлевич.

— За последние семьдесят лет я получил тысячи писем от своих соплеменников. В них звучит разный мотив. И боль нации, и гордость. Но ни в одном письме нет сомнения в том, что чувашская нация будет жить и процветать. Острую тревогу вызвало закрытие училища. Эту тревогу разделял и я, внутренне поддерживал тех, кто протестовал, не думая о том, какие последствия ждут их в дальнейшей судьбе. Не мне вам говорить, что только в борьбе можно отстаивать правду. Весь мой жизненный путь подтверждает эту истину.

— Можно мне слова? — раздался голос из задних рядов президиума.

Галина Николаевна узнала Петра Тимофеевича Тимофеева, который чуть вразвалочку, быстрыми шагами подошел к трибуне. Война оставила в его душе не только боль и страдание. Контузии, полученные на фронте, нарушили его походку, и в минуты сильного волнения он ходил качаясь из стороны в сторону.

— Я один из тех, кто открыто выражал протест против закрытия дорогого нам училища. Мы писали и в местные органы, и в столицу. Просили, убеждали, требовали. Петр Павлович Ургалкин, который сидит в нашем зале, может подтвердить мои слова. Вон он машет мне своей знаменитой тростью. Но наши протесты не дали результата. Тогда я написал гневное воззвание на бюллетене в период каких-то выборов. Закончил его грубо, послав власти на три буквы, за что был сурово наказан.

Наступила тишина. Петр Тимофеевич произнес еще какие-то слова, которые на нормальный язык не переводятся. В минуты сильного волнения он часто терял душевное равновесие и

контроль над своими действиями. Но ученики в пору учительства отнесли к его лексикону с полным пониманием.

Галине Николаевне показалось, что Петр Тимофеевич ее не узнал. Жаль! Он быстро, чеканя каждый шаг, направился на свое место, а Иван Яковлевич продолжил свою мысль.

— Что делать? — спрашивали меня соплеменники в своих письмах, имея в виду судьбу училища. — Я вряд ли смогу ответить на этот вопрос, но то, что сейчас скажу, может натолкнуть вас на правильный путь. Главная моя мысль заключается в том, что **Яковлевская школа историческую задачу выполнила**. Этим я справедливо имею право гордиться и горжусь. Не хочу распространяться на этот счет, ибо написано, высказано моими наследниками много и правильно, показана историческая роль училища в возрождении и развитии национальной культуры. Если моя идея вам понятна, то об открытии Яковлевской школы вряд ли есть необходимость вести речь.

Снова наступила тишина. Иван Яковлевич сел на свое место и стал перекидываться словами с Петром Михайловичем, который сидел по правую руку. Яковлев утвердительно кивнул ему головой и стал беседовать с другим соседом. Галина Николаевна делала усилия, но не могла понять, кто этот представительный мужчина. “Неужели Ильминский?” — подумала она, но обратиться к кому-либо постеснялась.

Иван Яковлевич поднял руку.

— Вы идете своим путем. Открыли чувашские отделения в университете и в педагогическом училище, издаете газету “Канаш”, еженедельно на телевидении выходит программа на чувашском языке. Мне не совсем удобно говорить, но память о первой чувашской школе, безусловно, должна сохраниться. Музей — это уже память. Если вы школу превратите в комплекс с библиотекой, гостиницей, кинозалом, с церковью, благоустроенной территорией — это и будет памятник тому священному месту, где началась наша культура. Нужны меценаты. Я бы мог высказать свои мысли о чувашской автономии и чувашском просветительском обществе, но боюсь,

что забью клин между вами и властями. Я нахожусь на вечном отдыхе, а вам придется воевать и воевать. Я всю жизнь мечтал о том времени, когда культура моего народа будет на уровне культуры русского народа, когда мои соплеменники будут учиться в престижных вузах, за границей. Сподвижники в этом плане тоже появились. Отмечу лишь скромные усилия Олега Мустаева, который направил учиться в Турцию, кажется, три человека.

— Одиннадцать, Иван Яковлевич, — почти рядом раздался голос Олега Николаевича.

В это время за спиной ведущего педсовет Галина Николаевна увидела женщину, которая показалась ей очень близкой и знакомой. Она сидела молча, изредка бросая взгляд на аудиторию. “Ба, это же Екатерина Алексеевна, — удивилась Галина Николаевна своей наивности. — Сколько раз я вглядывалась в ее лицо на фотокарточках, а живую не могла узнать”. И тут она поняла, что в президиуме сидят известные люди с того света. Кажется, присутствует даже Луначарский. Точно! Вон он сидит с края и что-то строчит. Голова большая, лоб широкий, как у Сократа. Лысина и волнистая борода в пучок. Знаменит он стал выступлением на юбилейном вечере в честь просветителя чувашского народа. Кажется, произошло это событие в 1928 году. Тогда Яковлеву исполнилось 80 лет. Народный комиссар назвал Яковлева великим сыном чувашского народа, а созданную им школу центром возрождения всей чувашской культуры.

Галина Николаевна стала искать глазами Вениамина Васильевича. Нет! Во всяком случае в первом ряду его не видно. Может быть, где-то...

Мысли ее снова прервал Иван Яковлевич.

— Вы, конечно, читали мое завещание. Я рад, что оно не отдано забвению.

— Мы его честно выполняем! — крикнул кто-то за спиной. Галина Николаевна хотела оглянуться, но любое движение в такой обстановке может привлечь внимание. А ей не

хочется стать объектом для любопытных глаз. Но она по голосу поняла, кто так смело мог бросить самому патриарху реплику, которая вызвала у него легкую улыбку.

— Ваша фамилия, если я не ошибаюсь, Бельский, — произнес он четко и погладил седеющую бороду.

— Так точно, Иван Яковлевич!

— Если вы помните, я призывал чувашей не заниматься политикой. Хотя сам был сторонником монархии, я всячески старался обходить политику. Старался отгородить от политики и моих учеников. Что из этого получилось — хорошо вы знаете. Странное дело, но я приветствовал буржуазную свободу, а когда победили большевики, во мне стали происходить необъяснимые перемены.

Он повернул голову вправо и устремил взгляд на человека, который сидел недалеко от него и тоже не сводил глаз от ведущего педсовет.

— Александр Владимирович Жиркевич не даст мне соврать, — нахмурил почему-то брови Иван Яковлевич, — в какой обстановке мы с ним оказались после освобождения Симбирска большевиками в 1918 году. Ему одна старуха принесла даже женское платье, чтобы он переоделся и скрылся.

“Надо же,— подумала Галина Николаевна, — Жиркевич. Внук губернатора, оставивший замечательные воспоминания о Яковлеве. Сколько русских подвижников внесли свой вклад в развитие чувашской культуры?! Ильминский, Луначарский, Жиркевич, Екатерина Алексеевна, Бейсов... Галину Николаевну охватило чувство, вызвавшее гордость и в ее душе. Ведь и она внесла свою долю труда. Правда, не такую уж заметную, но все же... Она сидела и вспоминала, как они готовили торжества по случаю столетия училища. Активную работу развернул тогда Петр Сергеевич Бейсов, известный краевед, член Союза писателей, высоко ценивший Яковлевское наследие. Сама она тоже никогда не стояла в стороне от национального движения и всегда была в гуще событий. Поныне участвует во всех делах — выступает, пишет, советует. К ее голосу прислушиваются. Ее уважают.

— На мою долю выпала большая честь. Когда Симбирск стал большевистским, я стал главным гидом по ленинским местам города. Ко мне обращались по всем вопросам — в каком доме родился Ленин, какая была обстановка в семье, какие были традиции.

Рассказ Ивана Яковлевича зал слушал с большим вниманием. Он приводил факты, которые не были известны истории. Вызывало недоумение в душе Галины Николаевны лишь одно обстоятельство — ни словом не обмолвился о телеграмме Ленина, который вернул ему славу человека, всю свою жизнь отдавшего просвещению чувашей.

— Эту историю вы знаете не хуже меня, — вдруг вставил в свой рассказ Яковлев и внимательно посмотрел на Галину Николаевну. — Если хотите, можете напомнить аудитории.

“Надо же, читает чужие мысли”, — промелькнуло в ее голове и тут же опомнилась, что патриарх обращается к ней:

— Нет-нет, Иван Яковлевич, я от слова отказываюсь.

— Напрасно, Галина Николаевна, напрасно. Вам есть что сказать. Спасибо вам за ваше усердие. Ваше слово для чувашей имеет особое значение. В то время, когда некоторые чуваша скрывают свою принадлежность к нации и даже отказываются от нее, вы ее возвышаете. Спасибо!

Галина Николаевна еще больше покраснела. Из-под густых бровей направила взгляд на Петра Якимушкина — он сидит и отвечает ей доброй улыбкой. Как приятно на душе!

— А вот Вениамин Васильевич рассказывал нам, как зарождалась ваша любовь, — повернул голову Яковлев и отыскал в заднем ряду человека, сидящего сложив руки на грудь. — Покажись нам, Вениамин Васильевич.

Вениамин Васильевич встал и отвесил поклон всему залу, но Галине Николаевне показалось, что реверанс предназначался только ей. Иван Яковлевич тем временем продолжил:

— Говорят, все началось с пирожков.

Галину Николаевну бросило в жар. Она провела рукой по лицу — оно действительно горит. “Конечно же, все началось с пирожков. Если б я знала...”

Неожиданно прозвенел звонок.

— Ну вот, снова не успели, — произнес Иван Яковлевич, и весь президиум растворился в синем тумане.

Галина Николаевна проснулась — будильник неистово звенел на журнальном столике. Открыла глаза — с фотокарточки на нее смотрел Вениамин Васильевич.

ВСТРЕЧА

Он открыл калитку и застыл в нерешительности.

В глубине огорода несуетливо возилась женщина. Полила цветы и, положив лейку на скамейку, села на корточки. Взяла в руки миниатюрный культиватор и стала рыхлить почву вокруг молодого саженца. Встала, опираясь одной рукой о скамейку, взяла лейку и пошла к небольшому чану. Вычерпала воды и двинулась к месту, где цвели георгины. Небольшого роста, в ситцевом платице с горошками, а на голове — зеленый легкий платок. «Она, — подумал Аркадий Алексеевич. — Та же фигура, те же движения, та же походка». Вдохнул полной грудью ароматного воздуха, сделал шаг вперед и тут же остановился — женщина подняла голову и крикнула: «Аркаша, принеси маленькую лопату!» Из дома выбежал мальчишка и вихрем промчался по тропинке. Отдал лопату и застыл, увидев у калитки незнакомого мужчину. «Иди домой и не забудь — как закипит вода, позовешь меня». Но мальчик не тронулся с места. Не спуская глаз с гостя, на ощупь, положил руку на бабушкино плечо. Раиса Ивановна подняла голову и направила взор на пришельца, который стоял, чуть понурив голову, правой рукой держа за ремень дорожной сумки, закинутый через левое плечо. Хозяйка встала, стряхнула пыль с колен и пошла к выходу. Гость поправил журналистскую сумку и тоже двинулся навстречу. Остановились, когда между ними осталось расстояние, достаточное для того, чтобы можно было разглядеть друг друга. Раиса Ивановна старалась угадать — какая нечистая сила привела в дом пожилого человека с черной бородой с двумя

белыми полосками, идущими от нижней губы до подбородка. Посмотрела ему в глаза и ей показалось, что в них светится незаметная лукавая улыбка. «Кажется, эти глаза мне знакомы», – подумала она и тут же отогнала мысль, которая всегда посещает женщину при встрече с мужчиной.

– Извините, – начал журналист осторожно. – Мне нужна Паутова Раиса Ивановна. Я...

– Раиса Ивановна перед вами. С кем имею честь говорить?

– Я журналист из областной газеты. Моя фамилия...

Он вынул из внутреннего кармана журналистский билет и протянул хозяйке.

– Поверю и без бумажки, – не шелохнулась Раиса Ивановна. – Но чем я провинилась перед прессой – понять не могу.

Аркадий Алексеевич сунул билет в карман и провел рукой по бороде.

– Журналистам больше по душе хорошие люди. В прошлом году был в школе, где вы директорствовали, если память не изменяет, лет десять. Педагоги очень просили рассказать о вас на страницах газеты.

– Неужели помнят? – просветлело лицо Раисы Ивановны и тут же засуетилась. – Что же мы стоим? Проходите в дом. Дорога дальняя. Наверно, проголодались. Сейчас чай поставлю.

Хозяйка еще раз стряхнула пыль с ситцевого платья. Сняла платок и снова повязала, но на сей раз по-девичьи, сгрудив пучок волос на затылке.

– А мне и рассказывать-то нечего, – сказала она по пути в избу, чуть замедлив шаги. – Обыкновенная биография. С радостями и болями. Мужа похоронила два года назад, а сына уже нет с нами пятый год.

Он не ответил. По опыту знал, что человек всегда рад собеседнику, который умеет слушать, но начинать беседу с грустной ноты в его стиль не входило.

– Если вы не против – я хочу посмотреть ваши альбомы, – сказал он после того, как занял место за небольшим столом,

покрытым белой накрахмаленной скатертью, на котором стояла фарфоровая ваза с гладиолусом.

– Да, конечно, – безразличным тоном ответила хозяйка и открыла шкаф. – Фотокарточек много. Сам был и художником, и любителем снимать.

Чай решили пить в беседке, которую, как рассказывала Раиса Ивановна, оборудовал хозяин еще десять лет назад. «Будем принимать тут самых дорогих гостей», – говорил он серьезно и строил основательно и добротню. Место действительно располагает приятному ощущению. Отсюда открывается прекрасный вид на Суру. В беседке, по словам хозяйки, уютно в любую летнюю погоду. В солнечный день радуют глаза широкие дали присурских долин, а в дождь мерно ударяются о крышу крупные водяные капли и скатываются по желобу в деревянную бочку. Анатолий Паутов любил проводить время наедине – в тихой обстановке рождались новые идеи, снимался стресс после изнурительного трудового дня, а в последние годы часто накатывались воспоминания о юности и, быть может, даже о первой любви.

– Не уберегла, – сказала Раиса Ивановна с грустью, – Неудержим был, весь в движении. Работал агрономом. От зари до зари – в поле. Помню, в Алтайском крае была у нас лошадь. Звали Антошей. Понимала его с полуслова. Бывало, оставит спящего сына в телеге, а лошадь его караулит. Где-то вдалеке гудят трактора, а у речки тихо. Поет иволга да шелестят камыши. Проснется сыночек – Антоша начинает ржать на всю степь.

– А как ваша девичья фамилия?

Вопрос, который прозвучал неожиданно, обескуражил Раису Ивановну. «К чему это? – подумала она, но ответ не требовал никаких усилий для ума. – Если ему охота разыгрывать меня – я не могу в этом ему отказать».

– Артемкина, – выдавила она лениво. – Родом из симбирского края. Есть такое село Елаур. Может, слышали?

Задумалась. Направила взор на гостя – никакой реакции.

Гоготанье гусей отчетливо доносилось до беседки, но до Раисы Ивановны они не доходили – звуки откатывались от нее рикошетом и пропадали вдалеке.

– Елаур далеко от Волги?

– На Волге находится, – безразлично ответила хозяйка. Ею стало овладевать негодование, готовое переходить в злость. «Знает, но притворяется», – подумала она внутренне и снова скосила глаза на пришельца, который перелистывал альбом без особого интереса.

– На Волге красивые закаты, – произнес вслух гость и пригубил к чайному бокалу.

– Очень красивые закаты! – ответила в тон хозяйка.

Раздался стон откуда-то из глубины сада.

– Свекровь, – произнесла Раиса Ивановна. – Скоро стукнет девяносто. Нуждается в постоянном уходе. И добавила: «Вы посидите, а я покину вас ненадолго».

«Нет, не он, – подумала она по дороге. – Иначе нет нужды интересоваться моей девичьей фамилией. А как похож! А голос? Будто слышала его десятки раз, – старалась овладеть своими чувствами хозяйка. – Главное, зовут Аркадием. Аркадий Алексеевич... А как звали по отчеству Воеводина? Нет, не вспомню. Вернее, не знаю. В студенческие годы мало кто знал, как звали по отчеству».

Вошла в избу и подошла к окну. «Хорошо, что нет внука – видимо, ушел играть на улицу. Не хочу, чтобы он видел мое состояние».

Раю бросало то в жар, то в холод. Устало опустилась на диван и провела ладонью по лбу. К ней мгновенно вернулось почти забытое воспоминание из далекого студенчества. Если она не в состоянии различить черты его лица, то голос его звенит в ушах так четко, что она не может ошибиться. Она снова провела рукой по лбу – он покрылся потом. Быстро встала и подошла к зеркалу. Поправила платок и увидела свое лицо измученным и встревоженным.

Аркадий! Она впервые за долгие годы разлуки произнесла его

имя.

Снова раздался стон. Она востропнулась и вспомнила, по какому поводу зашла в избу. Раздвинула портьеру и вошла в небольшую комнату, где на широкой койке лежала свекровь и тихо стонала. Раиса Ивановна налила пятнадцать капель пилюли в ложку, разбавила водой и преподнесла старухе.

– Доченька, – прошептала Дарья Васильевна после того, как проглотила лекарство, – ты бы пригласила гостя в избу. Как-то неудобно встречать человека на улице. У нас так не...

– Обойдется! – решительно прервала Раиса Ивановна и вышла в приемную.

Открыла форточку – свежий ветер ударил ей лицо. Постояла минутку и вслух произнесла: «Сейчас я ему устрою!» Поправила волосы, вышла в сад и твердым шагом направилась к беседке.

– Аркадий Алексеевич, извините. Можно посмотреть на ваш журналистский билет? – улыбнулась Раиса Ивановна и села напротив гостя. Теперь она пожалела, что не воспользовалась случаем, когда журналист предложил ей удостовериться в том, что он тот самый человек, за кого выдает. – Не думайте, что во мне подкралось недоверие... Я уверена, что ко мне приехал настоящий литератор, но, как вы знаете, женскому любопытству зачастую не бывает предела.

– Пожалуйста, – ответил равнодушно гость, вынул из внутреннего кармана билет и, глядя в упор, протянул хозяйке.

– Какая красивая обложка, – обмолвилась она и открыла корочку. Трудно было понять, чего больше было в ее возгласе – то ли восхищения, то ли иронии. – «Друнин Аркадий Алексеевич, – прочитала она вслух. – Член Союза журналистов СССР». Со снимка смотрел человек с черной бородой с двумя прямыми белыми полосками от нижней губы до подбородка. Раиса Ивановна вцепилась в глаза, но не хватило сил перевести взор на живого самозванца. Еле выдавила:

– Друнин... Это ваша настоящая фамилия?

– Нет. Друнин – мой псевдоним.

– По - нят - но...

Раиса Ивановна встала, отдала билет и пересела рядом с журналистом. Открыла альбом и сказала с пафосом:

– Вот эти парни – мои сокурсники. Это – Ваня Данилин. Кстати, безумно любил меня. Но я не ценила и всегда отвечала отказом. Потому что любила вот этого болвана!

И ткнула пальцем в фотокарточку. Грубо. С издевкой.

– Звали его, кстати, тоже Аркадием. Аркадием Воеводиным. А вот отчества не помню. Вернее, не знаю.

– Каким он был по характеру?

– Самовлюбленным и черствым! Кичился, что спортсмен. Никакой реакции на просьбы или на другие действия. Сейчас...

Она словно о чем-то вспомнила и вмиг скрылась за яблоней. Вернулась возбужденной и положила лоскуток бумаги на стол.

– Прочтите и вы поймете, что за человек – этот Воеводин.

Гость взял пожелтевший от времени лист, слегка погладил руками и стал щупать глазами каждую букву. Хозяйка внимательно следила за его поведением, стараясь не пропустить ни одно его движение. Лишь бы ухватиться за небольшую деталь, пусть малюсенькую, чуть заметную, которая потом может выдать его с головой. Тем временем журналист не торопясь прочитал: «Я не люблю тебя. №46». Он старался вспомнить, но в голову ничего не лезло. Хорошо помнит нагрудный номер на балу, но таких записок он никогда не писал. До мельчайших подробностей помнит скандал в классе, но не знал, что он связан с этой запиской. Силы покинули его, в глазах затуманило. Чуть успокоился и, не глядя на хозяйку, еле выдавил:

– Не понимаю, о чем идет речь.

«Он!» – воскликнула внутренне Раиса Ивановна. – Тот же голос, та же интонация, главное – то же выражение, которое он произнес сорок лет тому назад». Ей стало легко и свободно. Она не нуждается, чтобы Аркадий раскрылся.

Теперь это не имеет никакого значения. Ясно одно – перед ним сидит Аркадий Воеводин. Настало время сыграть роль актрисы и ей – Раисе Артемкиной.

Она докажет, что справится с задачей не хуже, чем он. И она начала рассказывать ему во всех деталях историю первой любви. Страстно, вдохновенно, с длинными и короткими паузами, с интонацией, жестикулируя в тех местах, где требовала обстановка, разбавляя рассказ от себя, насколько была способна ее фантазия.

Воеводин сидел без движения. Только изредка вынимал носовой платок из бокового кармана и кончиком его медленно проводил под глазами. Он не нашелся, что ей ответить. Он не был готов к такому повороту и был далек от игры в кошки-мышки. Он действительно в первый раз видел этот лист бумаги. О чем идет речь в нем – ясно было как дважды два четыре. Кому адресована записка, можно было догадаться. А вот чьей рукой выведены слова, которые могут причинить боль и страдание любому человеку, ему было неизвестно.

Он сидел и чуял, что она долго держит взгляд на нем, но голову не поднял, глаза их не встретились.

– Его нагрудный номер до сих пор жжет мое сердце, – закончила она свой рассказ.

– Действительно, парень этот был черствым и невоспитанным, – процедил Аркадий Алексеевич.

– Наивны были. Обидчивы. Измену не прощали, – произнесла словно для себя Раиса Ивановна и глубоко вздохнула.

Рая еще что-то хотела сказать, но в этот момент Аркадий резко вытянул правую руку, дав понять, что продолжать разговор не следует. Рая застыла на полуслове. Аркадий к чему-то внимательно прислушивается. Хотя его взгляд направлен на Раю, он думает о чем-то другом. Так продолжалась почти минута. Она стояла в оцепенении, боясь шелохнуться. Аркадий тем временем

неожиданно встал и подошел к краю беседки. Теперь его взгляд устремлен на небо, откуда отчетливо доносятся знакомые голоса «Кру-кру! Кру-кру!»

– Журавли, – произнес он осторожно, будто может потревожить их полет. – Как низко летят.

– Дикие места, – выдавливает из себя Рая, чувствуя, что с журавлиным караваном связаны, видимо, какие-то его воспоминания. – В наших краях их никто не тревожит. Возвращаются на лето, а на зиму их путь лежит на юг. Я люблю следить за их полетом. Напоминают чем-то наши судьбы.

Рая подошла к Аркадию и встала к нему так близко, что слышно было его дыхание. Она тоже устремила взор к небу. Журавли летели, рассекая просторы Вселенной.

СНОВА МЫ, ДРУЗЬЯ, СОБРАЛИСЬ

Музыка Игоря Кошелева

Серебрится седина в висках,
Но мы не состарились душою,
Помним о студенческих годах,
Что роднили нас навек с тобою.

Припев:

Небо над училищем ясное всегда,
Над Свягой звездочки зажглись,
Как тогда, в далекие года,
Снова мы, друзья, собрались.

Крылья для полета нам даны,
Педагоги так нас воспитали,
Клятве были до конца верны
И от цели шаг не отступали.

Припев.

Поступь наша, как в строю, тверда,
Прочь уныние – еще не вечер.
Как тогда, в далекие года,
Будем рады каждой нашей встрече.

Припев.

Раисе Артемкиной

*Дочь погибшего солдата
Под Орлом,
Ты совсем не виновата,
Что крылом
Не смогла прикрыть отца в святом бою,
Заслонившего от пули Русь свою.*

*Дочь погибшего солдата,
Дочь войны,
Понял я лишь в час заката,
Как верны
Были воины Отчизне в ту войну,
Отстоявшие свободу и весну.*

*Дочь погибшего солдата,
Дочь земли,
Может быть, сберечь что свято,
Не смогли,
Но священна твоя совесть до конца –
Шла по жизни ты под знаменем отца.*

Ване Чухаеву

*Мы стоим шумливою гурьбою
Там, где годы юности прошли,
Будто здесь назначено судьбою
Главное событие земли.*

*Ждем, а на душе истома
Оттого, что вместе собрались,
Оттого, что чувствуем, как дома,
И верны тому, чему клялись.*

*Вдруг в душе тревожно застучало,
Будто снова наступил рассвет,
Сердце хоть на миг, но замолчало –
У ворот знакомый силуэт.*

*Может быть, попутным легким ветром
К нам еще кого-то занесло?*

*Он идет. О, боже, с каждым метром
Нам все зримее его чело.*

*Он идет ленивою походкой,
Только вот внимание напряг.
Он идет на нас прямой наводкой,
Осторожно ускоряя шаг.*

*Он идет, а мы к нему гурьбою –
Как комок, сжимается наш круг,
Будто околдованы судьбою,
Будто только мы и...никого вокруг.*

Давно прощались мы с тобой
Музыка Нины Еграшкиной

Давно прощались мы с тобой,
Но кажется вчера
Бродили узкою тропой
Вдоль речки до утра.

*А косари, а косари,
Еще до утренней зари,
Минуя Волги берега,
Спешат на вешные луга.*

Бушует май, а за селом
Разлив весенних вод,
Окинешь взором, и кругом
Синеет небосвод.

*А фонари, а фонари
Горят до утренней зари,
Роняя нежный свет огня,
Встречают нас на зорьке дня.*

Лютует снежная зима,
Стучится по домам,
Любовь, я знаю и сама,
Не делишь пополам.

*А снегири, а снегири
Поют до утренней зари,
Поют о том, что нас с тобой
Любовь согреет и зимой*

СВИЯГА

Ты – юности нашей река,
Как прежде, горда, величава.
Висят над тобой облака,
Шумит и гудит переправа.

На тихом твоём берегу
Смотрели мы в синие дали,
И тайно от старших в кругу
О славе грядущей мечтали.

Летели на крыльях весны
Навстречу надежде и свету,
Готовились к зову страны
Объять вдохновеньем планету.

Не думали мы никогда,
Что юность покинуть нас смеет,
Что словно на небе звезда,
Мигнет и навечно исчезнет.

Алеет закат вдалеке,
Природа, как прежде, красива,
Как прежде, склонилась к реке
Плакучая нежная ива.

Навечно в наших сердцах!

Навечно в наших сердцах!

Завыз Леонтьева В.Ф.

Лонгерс В.Ф.

Мухина Н.М.

Никольский В.И.

Новикова В.Н.
не. Рыкова

Павлов П.И.

ПЕРЕВОЗЧИКОВА Н.А.

Пичугин Г.Г.

Прволонникова М.Ф.

Радометский М.М.

Станиски Н.Ф. -учит.

Староженки Н.П.

П.Т. ТИМОФЕЕВ

ТРОИЦКАЯ М.А.

Андреев И.А.

Воспитанники яковлевской школы – прообразы персонажей книги «След журавлиной стаи».

Первое Мая 1954 года. Улица Гончарова, здание кукольного театра. Демонстрация кончилась, и решили фотографироваться. Почти все в сборе, нет только Вани Чухаева. Он стоит против нас с фотоаппаратом в руке. В первом ряду сидят Володя Тухтаманов, Лидия Лашманова, Надя Портнова, Светлана Ищерякова, Саша Богатов, Миша Орлов. Стоят Рая Артемкина, Лев Медяков, Филицита Никитина, Вася Емендеев, Рита Кузнецова, учительница М.Ф.Прялочникова, Рая Леонтьева, Маша Игунина, Анна Кильдюшева, Рая Мельникова, Рая Степанова, Лилия Афанасьева, Олимпиада Михеева, Коля Штурмин, Маша Суркова.

Содержание

1. Новогодний бал.....	5
2. Эх, Леня, Леонид!.....	16
3. Первая любовь.....	23
4. Петрович.....	35
5. Тюменская пленница.....	42
6. На то он и солдат.....	49
7. Филицита.....	57
8. Вундеркинд.....	66
9. Парень из Илима.....	73
10. Необычный педсовет.....	79
11. Встреча.....	88
11. «Снова мы, друзья, собрались».....	96
12. Раисе Артемкиной.....	97
13. Ване Чухаеву.....	98
14. «Давно прощались мы с тобой».....	99
15. «Свияга».....	100

Александр Богатов СЛЕД ЖУРАВЛИНОЙ СТАИ

Книга издана в авторской редакции.
Подписано в печать 20.12.05. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офс. № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,04.
Тираж 100 экз. Заказ № 3839.

Отпечатано с предоставленного оригинал-макета
в ОГУП «Областная типография «Печатный двор»
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.